

UDC 316.7 + 791.4 + 008
LBC 60.54 + 85.37 + 71.05

DOI: 10.30628/1994-9529-2021-17.2-61-117
received 14.03.2021, accepted 29.06.2021

OLGA A. LAVRENOVA

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
MISIS National University of Science and Technology,
GITR Film and Television School,
Moscow, Russia
Researcher ID: AAK-6407-2020
ORCID: 0000-0003-4916-0622
e-mail: olgalavr@mail.ru

“THE SEAMY SIDE OF THE CITY”: MARGINAL LANDSCAPES AND CONTEMPORARY VISUAL CULTURE*

Abstract. The topic of people thrown to the sidelines of life is considered in a double frame—in the context of the way the urban space is arranged and in the context of modern visual culture (feature films, video and photo blogs, videos on popular YouTube channels). The most hyped-up type of marginal landscape in modern media is slums. The otherness of such spaces has always been a subject of interest and curiosity, for “gazing”—interpretation, perception and entertainment. In modern mass culture, the “location” of the global south slums is especially trendy. In such exterior, hyper-popular feature films such as *Slumdog Millionaire* have been shot, causing a new cultural phenomenon—mass slum tourism. This phenomenon seems to be ambiguous from an ethical point of view; but from the point of view of visual culture, it is voyeurism brought to the level of an art and everyday life practice. The second type of marginal urban landscapes is local “invasion” into the decent and institutionalized city space. This art form serves as a “location” for a psychological drama of superfluous people. Features of national identity are most clearly manifested on its seamy side rather than anywhere else.

* Translated by Anna P. Evstropova.

Japanese townships of the homeless, incorporated into central and well-to-do areas, are no strangers to order and aesthetics; while Russian realities—chaos, departure from norms and underground—are completely opposite. Classic films devoted to this issue—*Dodes'ka-den* by Akira Kurasawa, *Promised Heaven* by Eldar Ryazanov, *The Lady in the Van* by Nicholas Hytner—model these seamy spaces and their peculiarities inherent in national culture. Very popular now are YouTube channels about the life of homeless people, which show real characters in their real habitats, introducing marginal spaces into the rank of a hot-topic visual culture. This type of visualization provokes another cultural phenomenon—the perception of marginal loci and their inhabitants as an interactive performance. Interactivity can vary from attacking to fraternization, from preaching to charity. Odd as it may seem, hyper-visualization and aestheticization of social ulcers contributes to their social invisibility. It is a problem, which no one is going to solve anymore; it has become a part of modern culture with its own philosophical and aesthetic arguments—and in a certain sense they act as its justification.

Keywords: city, slums, marginality, cultural landscape, visual culture

In modern humanities, the concept of marginality is quite broad and polysemantic and is usually interpreted as “a marginal, borderline or interstratous position of an object. [...] a marginal person is an individual without a specific culture who is forced, due to various reasons, to master new, sometimes hostile cultures” [1, p. 61]. But no less relevant is a highly specialized social approach. “Within the framework of the concept of social marginality, the latter is considered mainly in sociological terms as a consequence of poverty, unemployment, and social crisis” [2, p. 4], as well as alcoholism and drug addiction. Therefore, marginality is understood, first of all, as a problem related to superfluous people, rejected by society and often denying social values, that is, living “on the edge.” In this study, marginality will be considered in this particular context.

The ontological essence of culture is most poignant where no one sees or looks for it—in marginal spaces. These are places outside social norms, and if there is something human left in them, it is exactly what belongs to this culture. These are the exceptions that prove the rules. If we are speaking about the cultural landscape, these are a sort of “black holes” that are imminently incorporated into its structure and at the same time are an integral active agent of meaning creation.

The designated topic of marginal landscapes with reference to visual culture is a kind of a matryoshka, a box inside a box, and a frame in a frame.

First, it is the problem of marginality in a frame of the cultural landscape arrangement, in its structure. Second, it is a visualization frame—on the Internet, on blogs, on YouTube channels, in feature films—that will address marginality in the context of the cultural landscape. Third, it is the everyday practices generated by visual culture, such as slum tourism and interactive performances involving the homeless.

1. HISTORY

Studying of urban areas of concern has a long history, mainly within the frameworks of **social** and **urban studies**. Various forms are being studied—ghettos, informal settlements, refugee camps, that is, the most visible socio-spatial formations, in which economically, politically and socially marginalized urban dwellers live. There has been a large amount of field and theoretical research in sociology, anthropology, and critical urban geography, including the classic Chicago school, in particular Harvey Zorbaugh's book [3], and later works from the neoliberal period [4]. The early works of the Chicago school contributed to the perception of urban marginality and spatiality as closely related and mutually constitutive [5]. The modern approach involves the study not so much of social phenomena as of numerous structural processes that lead to the emergence of marginal spaces in the city. This approach, in particular, was declared in a special issue of the *Anthropological Forum* journal devoted to urban marginality [5] and other articles [e.g., 6].

Scientific research on urbanization, urban poverty and initiatives goes beyond European science. Asian scientists arrange complex studies on the implementation of various initiatives and social programs aimed at changing the quality of life in slums and possible solutions to this problem in a global perspective; such as, for example, the research on Bangladesh slums [7; 8]. An Indian study of the most famous slum in the world, Dharavi in Mumbai, combines dialogues with their inhabitants, visual series, which is part of the narrative, and discussion of social problems [9]. New studies of slums in India from the standpoint of neo-Marxism and the crisis of urbanism are of immediate interest as well [e.g., 10]. In Russian socio-philosophical studies, there are precedents when the otherness of the homeless' subculture is comprehended philosophically against the background of the culturological concept of the Other [11].

Since the 2000s, a new discourse has begun to be discussed—the **performativity** of marginal spaces, their visualization in modern media,

documentary and fiction films, and, as a consequence, the emergence and development of a powerful trend known as slum tourism. A whole series (2012) edited by Fabian Frenzel, Malte Steinbrik and Ko Koens [12] and a book (2018) by Tore Holst [13] were devoted to it. In connection with the topic of slums, the topics of sexuality and the rights and liberties of women and their images in modern media are being explored [14]. The very spatiality and structure are also viewed as a performative force, in which materiality and affectivity are interrelated [15].

Another topic in question is the so-called “spatial stigmatization”—places with a high concentration of poor—and the possibilities of managing their inhabitants and their integration into society and “monetizing social and spatial reproduction” [6].

Matthew O’Brien, a renowned explorer of underground settlements in Los Angeles, author of *Beneath the Neon* [16], has recently released a new book, *Dark Days, Bright Nights*. In it, the problems of marginality and homelessness are described through the stories of real people, as a collection of life’s tragedies [17].

In film studies, performativity and visual images of slums have received their attention, too. In his recently published book, *Slums on Screen* [18], Igor Krstić suggests neorealist and documentary aesthetics to be thought of as ways for representing reality. He illustrates how the slums were visualized through history, from the beginnings of photography to digital cinema. He also analyzes existing cinematic images of the slums.

Thus, we see two fairly clear directions in the study of marginality—in the framework of social urbanism and in the framework of critical studies of contemporary visual culture.

This article attempts to combine these discourses in the context of the cultural landscape conception, where the visualization and spectacularity of marginal spaces are considered as “bearing” elements of its semantic structure. And, of course, a distinctive feature of this study is the appeal to Russian visual material, which remains beyond the field of attention of foreign researchers.

2. MARGINALITY AS PART OF THE CULTURAL LANDSCAPE STRUCTURE

The cultural landscape is defined differently in different scientific disciplines, but everybody agrees that it is a functional unity of culture and the space containing it. This unity includes not only manmade objects, but also energy and information. The semiotic concept of the cultural landscape, which

will be used in this article, assumes that for the most part the information includes: 1) signs, into which toponyms, hills, rivers, cities and individual artifacts on the earth's surface are transformed, as well as 2) signs and codes, originally existing in culture, which influence the perception and new designation of space.

Inside this space, transformed by culture into a sign system, there are inevitably places which the classic of American humanistic geography Yi-Fu Tuan defined as "topophobic": they evoke fear and negative feelings, and have the corresponding semantics of the "seamy side" of a comfortable everyday life.

While in prehistoric times topophobia referred to untapped wild areas (mountains, forests, etc.), now topophobic places are concentrated inside the most developed loci—cities. And while earlier the objective causes of fear were some infernal or natural forces, now it is the people themselves. It's just "other" people "with low social responsibility", as they are politically correctly called in Russia. These people reclaim from the city a place to live, and it becomes taboo for everyone else.

Here we will just touch upon the topic of crime-ridden neighborhoods as topophobic areas of a modern city (which can be located in the city center and look quite well); instead, we will focus on territories chosen by the homeless and/or marginalized people living on the outskirts of social life within their own system of values.

An important category in this discourse is the "home—homelessness" dichotomy, which undergoes a semantic and practical inversion. Traditionally, "one of the salvational principles of human existence is the home, and the destructive principle is the absence of a home or homelessness. At the same time, home as a phenomenon is usually endowed with such a basic characteristic as sedentism, and mobility is a property attributed to homelessness. In this case, homelessness is made of mobile people" [19, p. 115]. But spiritual pilgrimage, which used to be synonymous with homelessness, has nothing to do with socially conditioned homelessness. In the latter case, mobility tends to a minimum even in the absence of a house: the homeless settle in some specific places and, whenever possible, begin to equip their life, at least arrange a permanent sleeping accommodation, at most—an illegal squatter. Both are just a phantom of the house, since any squatter building can be demolished by the authorities, and the cot can be burned by hooligans. Thanks to this quasi-settledness, it is possible to speak about the spatial structures of marginality.

Marginality is often correlated with intermediateness—not in the sense of a state of transition, but in the sense of filling the voids, since it fills the “pores” of a city, squeezes in between the controlled and organized areas. “The in-between-ness of minoritarian spaces refers [...] to the fact that they are surrounded by other more institutionalized spaces. Most importantly, however, the way in which such ‘being surrounded’ takes place in practice makes interstices more or less livable, more enclave-like or more threshold-like” [20, p. xix].

3. MARGINALITY AS A SPECTACLE

Ideally, planning of a city space implies creation of many subspaces, carefully packed to minimize the risk of contact with mavericks.

On the one hand, the commodification of everyday life requires that spaces of different quality used by different social groups be separated by some boundaries. Ideally, these boundaries should be tacit and implicit, and spaces should be structured by the stable images of difference.

On the other hand, the diverse spaces of the city were and are in constant interaction. The traffic has always been two-way. In search of easy earnings or alms, beggars and homeless people tend to the richer districts of the city, get driven away, but always return.

“Interstitial” spaces evoke not only fear, but also affection, they “fascinate, incite, excite and inspire people from all walks of life. They have been visited, revisited, researched and reported ever since their first appearance” [21, p. 66]. World literature testifies to a long tradition, a practice that was originally created by jaded aristocrats as a recreational pastime. In the 19th century, “flânerie” comes into fashion—strolling around the city and observing the lower classes while not forgetting about safety, however. “From the late nineteenth century and up until the second world war, visiting the poor areas of a town or city represented an escape from social constraints backed by a romantic imaginary but also a place for well-off upper-class women to provide charity in order to raise their own self esteem” [22, p. 1319].

In the first case, the main driving force for the “expulsion” into a different social space is economic (marginal spaces are always economically dependent on institutional ones), while in the second case it is emotional and existential. “The attempt to make sense of in-between-ness generates a polysemous discursive field oscillating between connection and disjunction: the interstice is sometimes a rapture and sometimes an opening up” [23, p. 21].

When assessing the desire to enjoy the view of the slums, modern researchers speak of “voyeurism” and “the aestheticization of poverty.” Analysis of slums as a spectacle through the lens of a prosperous society “offers ways to think critically of how urban space is reordered and urban knowledge is produced and circulated” [24, p. 431].

Stigmatization—the consolidation of negative labels—becomes the subject of not only comprehension, but also preservation as visual images; and this process, which was supposed to act as a means of emphasizing differences, is being rapidly commercialized.

In a sense, when observed from the outside, marginal spaces acquire the qualities of a low farce—a performance on city streets, which, among other things, carries a kind of moral instruction and forces viewers to experience catharsis, to renew spiritually.

Before cinema was invented, literature played upon these spaces, causing a wave of burning curiosity around the object of description. People interact with literary texts and feel the desire to immerse in the cultural context giving rise to such texts—in order to observe how other values and meanings emerge and exist, and thus how new narratives are born.

For example, after Charles Dickens’ *American Notes* were published, the Five points slum became the most visited tourist attraction in New York [25]. In Europe, interest in marginal spaces was fueled by the novel *The Mysteries of Paris* by Eugène Sue and works by his many imitators.

Fyodor Dostoevsky did not make the Petersburg slums the main background for his novels. However, there were some characters related to the slums, who caused painful compassion. But while the western flânerie was rather distanced, its Russian variation, a movement called “going to the people,” especially popular in the 1860s-1870s, was set towards active missionary driven by either the desire to spark people’s wrath or to show mercy and steer the lost souls onto the right path.

The Lower Depths by Maxim Gorky, although not tied to any specific locus, is genetically linked to the Khitrov marketplace, the worst den in Moscow, and was originally written in the genre of a play (that is, targeted at a viewer). Konstantin Stanislavski, the artists and actors who were then working on the production of the play went to Khitrovka for impressions, where they observed and made sketches in order to reconstruct the slums on the stage.

Modern understanding of the visualization of marginal spaces in cinema and media leads to the categorical attribution of photo and video images to

“epistemological background,” when people and places in the focus become “background” in the knowledge obtained from their images [26].

4. SPATIAL SELF-ORGANIZATION OF MARGINALITY AND VISUALITY

If we start from social problems that affect the spatial pattern of the “seamy side of the city” and its character, semantics and visual representations, then we can list such phenomena and problems as invasive culture and its relationship with the “indigenous” culture, the problem of separation from or integration into the social space and, accordingly, the problem of borders, the problem of seasonality, constancy and temporality of marginal loci, the problem of family and personal loneliness.

4.1. SLUMS AS A PERFORMANCE AND A BRAND

The most widespread and the most represented variant in modern visual culture are **slums and ghettos—vast areas** inhabited by the poor. As a sight and as an everyday practice, slums have a powerful potential for creating alternative urban images. “Slums offer a challenge to our sense of reason and morality as well as our sense of beauty or place” [27, p. 170].

The United Nations define slums as a place where people have an insecure tenure status. This means that they do not have a legal right to housing and land and do not have access to the basic blessings of civilization—clean water, sewage, medical care, etc. [28]. Therefore, their dwellings can be demolished or taken away by the authorities at any time, which is what often happens.

The layout pattern and the quality of marginal places in a city space depends not only on the diversity of climate and social problems, but also on cultural characteristics. The slums around Rio de Janeiro are not at all like the famous Kond [29] in Yerevan, which is a pseudo-slum—an area with poor and shabby but legal houses inhabited by honest hard-working people.

Classical slums are spatially and visually separated from the main “body” of the city, they look like some kind of extraneous “outgrowths” and “corridors.” Structurally, these are “escheated areas” arising on land that is inconvenient for urban development, such as ravines, for instance, the corridor-type slums in Caracas, Venezuela [30].

And at the same time, slums are genetically related to both the metropolis and the cultural landscape of the country as a whole. This is the result of false urbanization, migration of citizens from villages and small towns to urban areas in search of (often illegal) higher income.

In such enclaves, there are many social problems in different contexts: segregation and stigmatization; statelessness (people without documents, refugees); marginal social positions that limit residents' access to safe urban spaces and resources [5].

Slums are a distinctive feature of the global south, where squatter areas are an integral part of any large city. There are adobe, slate or sometimes even brick shacks about two by two meters. There are unsanitary conditions, gutters turned into landfills, criminal gangs completely controlling the area. But the paradox is that modern slums are becoming part of the city's economy. Small businesses are flourishing (if we can put it this way) there, there might even be large enterprises like waste recycling, and besides, a significant part of the population works in the city. Slums are an enclosed space that includes broad economic, political and cultural ties in a rather unpredictable way.

It is the slums, as integral and concentrated spaces of poverty and otherness, that have become the most demanded spectacle for the jaded public and, accordingly, one of the essential international tourist destinations. This happened before, but films like *City of Joy* (Roland Joffé, 1992) and especially *Slumdog Millionaire* (Dany Boyle, 2008) (Fig. 1) have provoked a surge of interest.

Fig. 1. Photo from the filming location. Fun facts about the *Slumdog Millionaire* (2008)¹

¹ See the image source: <https://in-w.ru/slumdog-millionaire-2008/> (03.03.2021).

The films themselves are regarded by critics and cultural experts as a Western, colonial view of Asian reality. The slum world appears as sexualized, exotic or primitive spaces that are also overly romanticized: “When one of the largest slums in Asia is extolled as ‘a model for the world’, something has gone wrong” [31, p. 45].

The screen space is projected into real space, and the tourist becomes a new type of viewer—a viewer indeed, since his or her interactivity is minimized. “The tourists ‘enjoy’ a ‘sanitized’ version of the slums which does not seek to challenge the dominant representations from the films that they have watched. [...] There is little linguistic interaction with the local people which increases the sense of the tourist ‘gaze’” [22, p. 1328]. They are mere passive spectators, voyeurs viewing the happenings. The abundance of travel companies and journalists suggests that the largest slums exist not only as a reality, but also as an idea generated from the outside [32].

“Unsurprisingly, slum tourism carries negative connotations like ‘safari’, ‘zoo tours’, ‘negative sightseeing’, ‘poverty tours’, ‘poorism’, ‘social bungee’, ‘peeping’, and exploitation. The idea of treating poverty as a tourist attraction is seen as morally questionable” [33, p. 207].

Romance and “a model of contentment and neighbourliness” created by filmmakers turn life on the verge of starvation into a new buffoonery, so that “western visitors <get> transformed by ‘life-changing’, ‘eye-opening’ and ‘mind-blowing’ experiences” [31, p. 37]. Interview-based case studies record the emotional excitement experienced at the sight of naked female bodies while bathing, when participating in price negotiations with prostitutes, at the sight of old people left to die [34]. The experience provoked participants to reflect on their good “luck”, but also justified a sense that they had taken the right life choices and of cultural superiority [24, p. 433].

The children who starred in *Slumdog Millionaire* were indigenous to Dharavi, Mumbai’s largest slum. After the success and fame, their lives got back to the way they were. This, too, became the reason for the media performance: for instance, the journalists from a British tabloid *News of the World* came as buyers to the father of the leading role, and the father was not at all opposed to selling his daughter, since the family received nothing for the film [35].

Non-European slum cinema raises sensitive social issues and tries to minimize romance. Such are, for example, little-known Filipino films *Slingshot* (orig. *Tirador*) (Brillante Mendoza, 2007), *Grandmother* (orig. *Lola*) (Brillante Mendoza, 2009), etc. “Many of these new wave Filipino films draw their stories

(as well as ‘found’ actors, props and sets) from a documentary approach to filmmaking” [18, p. 172].

The Cannes Film Award-winning Lebanese feature film *Capernaum* (Nadine Labaki, 2018) (Fig. 2) about slum of Beirut provokes little desire to follow the filming locations, perhaps due to cultural geography. Slum tourism does not emerge in every poor region of the world, its “development seems to be triggered by certain events and specific socio-cultural contexts” [36, p. 50]. In contrast to Mumbai, Beirut is not explored by European tourists because of its uncontrollability and danger for a wandering viewer.

Fig. 2. Poster for the film *Capernaum* (directed by N. Labaki)²

² See the image source: URL: https://vfl.ru/fotos/foto_zoom/5a3751f929795749.html?antid=1 (01.03.2021).

Slums as a spectacle and as a problem have spawned a myriad of documentaries. All these films actively use the “familiar—strange,” “beautiful—terrible” dichotomies. In his three-part documentary *Kevin McCloud: Slumming It* (2010) [37], McCloud, an architecture critic, captured his two-week stay in Dharavi. Interestingly, the journalist himself is constantly in the frame, very expressively showing his surprise, bewilderment and even delight—for example, over the beauty of local women who manage to look clean and elegant.

On the Russian Internet, there are many illustrated text and video blogs about the largest slums, for example, about that same Dharavi [38]. Russian YouTube travel bloggers have also been expanding into slums recently. However, unlike Western tourists, they tend to skimp on security and contracts with local travel agencies. That is why Russian visual tours to slums are a game of roulette, in which reckless Russians either fraternize with everyone, or get “a pain in the butt.” This is, on the one hand, an amateur documentary that recreates the laws of the art genre, where action is essential; and on the other hand, a reality show where the expected happy ending is completely different—the blogger takes a chance and survives.

The slums have also become the setting for high-rated television shows. BBC’s *Rich, Famous and in the Slums* (2011) is a two-part reality television program, in which four “rich and famous” personalities—Lenny Henry, Reggie Yates, Samantha Womack and Angela Rippon—spend several weeks in Kibera, the largest slum of the Kenyan capital, living side by side with the indigenous slum dwellers. It all ends happily: each of the main characters helps someone to get out of their social hole.

Missionary work associated with help in embedding the marginal slum space into the institutional space of the city, charity, the creation of schools and missions for the poor [39] give rise to another option for visualization—films made by charitable organizations in order to attract donations. Such is, for example, a video about the wards of the Maltese Aid Service [40].

On the other hand, television shows and soap operas are becoming an integral part of the social life of slums themselves. A case study, which was held in one of the Brazilian favelas, revealed that unemployed women literally live in a virtual world, watching up to six hours of telenovelas a day, often during hard physical labor at home. Their real-life suffering correlates with the spiritual torments glorified in TV shows; in their minds, reality and fiction, real poverty and fictional wealth are intertwined [41].

An interesting divagation, a bright spot on the gray canvas of slum life and its visual representation are videos about the Central African dandies. On the dirty clay streets of the poorest regions of Congo, Kenya and some other countries, you can often find men (not women!) in posh and unusual outfits. This is a unique subculture, which becomes a fairly common plot for travel blogs [e.g., 42] and documentaries, including famous The Swenkas (Jeppe Rønne, 2004) and films on YouTube channels [e.g., 43]. This socio-cultural phenomenon can be interpreted as “performance from the inside”: these people are not observers to the performance, they create it with their own lifestyle, thereby brightening up and ennobling the marginal space.

The inversion of sociocultural values against the background of visual culture reached its climax in an attempt (which was failed, by the way) to turn one of the favelas in Rio de Janeiro into an open-air museum. This indicated the expansion of the semantic spectrum of a favela: in the recent years, the state started to perceive it not only as the city’s problem, but also as its legacy, worthy of demonstration, preservation and visiting [44, p. 83]. The representation of slums through turning them into museums might become a state-recognized practice, which is nonsense in itself.

4.2. INVASIONS OF MARGINALITY, PSYCHOLOGICAL DRAMA AND ENDLESS NARRATIVE

In contrast to slums in terms of spatial organization and, in fact, visualization, **separate loci** are areas where sparse representatives of marginal subcultures are nesting. Most often, such a pattern of the city’s “seamy side” may be found in harsher climates and under more severe political regimes, where any noticeable squatter construction will inevitably be plowed over by excavators.

For example, in the United States, the city authorities destroy the tent camps of the homeless as soon as they grow large enough, and, in fact, as soon as they become organized well enough to provide some security for their residents [45, p. 66].

A typical example of “cluster marginality” are Russian megalopolises, where a marginal subculture is forced to hide in the backyards, between garages and train stations, under railway platforms.

This type of marginality has spawned a distinct visual culture—from psychological drama to endless narrative, absurd and merciless. It can be assumed that the psychological perspective is set here precisely by the type

of spatial self-organization within the city's cultural landscape. For many of their inhabitants, slums, although they are functionally connected with the city space, are largely self-contained and self-sufficient—people are born, live and work, and die here. Invasiveness, on the other hand, presupposes stronger ties with a prosperous lifestyle, both genetic (many of the outcasts hail from here) and day-to-day ones. This gives rise to numerous personal tragedies, which are comprehended anew by writers and filmmakers. Such feature films evoke great sympathy for the characters, they have a deep philosophical meaning that makes the viewer feel responsible, at least for a while, for what is happening on the screen and in life.

The vector of psychological drama was set as early as in the Gorky's play *The Lower Depths* and developed towards the aestheticization of marginal space in feature films. This immortal play was projected into Japanese historical realities by Akira Kurosawa in 1957.

The theme was continued by Kurosawa's *Dodes'ka-den* (1970), a classic of the genre. Movie scholars usually describe this film as the life in a Tokyo slum; although the locality and not totality of the marginal space presented on the screen and the continuous communication between the characters and the off-screen prosperous city makes it possible to speak exactly about invasion.

Shooting was mainly interior; simulacra of the marginal spaces were artificially created. The composition of almost every frame is so perfectly balanced that the visual imagery, which in theory should reflect and symbolize the seamy side of city life, is perceived as aesthetically correct and perfect, like any work of art.

It is worth mentioning that Kurosawa does not by and large stretch the truth. Japanese marginal subculture and its "cluster" spaces have in fact a fair amount of order and aesthetics. Everything in them is quite logically organized, and the daily routine is minimized. At the same time, people living there remain socialized, many of them are employed, some even have small businesses selling homemade products or reselling basic necessities to their companions in misfortune. These are not space-consuming stone or adobe squatter developments like favelas; these are cardboard boxes that fit under bridges or even literally on the streets, wherever there is a quiet nook. There is no chaos or mess. Surprisingly, people are trying to decorate their wretched dwellings: in their cardboard box towns, doorways are covered with clean curtains, walls are embellished. All this indicates that even in difficulty people tend to organize their life and fit up their dwellings against all odds.

One of the most iconic films in European cinematography is *The Lady in the Van* (Nicholas Hytner, 2015), dedicated to the personal drama and the intrusive, relatively mobile type of marginality. A lady lives in a van moving from one house to another in a nice neighborhood, until finally she settles next to the house of a writer suffering from a multiple personality disorder. Thanks to the decency of the British mentality, a marginalized lady blends in the local cultural landscape both optionally and functionally. She uses the utility systems of the private house near which she parked her van: she washes her hands, goes to the toilet, and no one raises a single objection—respectable citizens are too polite to drive the poor woman away. She herself was once part of this respectable world, but after hitting a motorcyclist her mind broke down, and she broke off her ties with the world—on the one hand, to escape punishment, and on the other, choosing a homeless life as self-punishment. Again, all this looks very beautiful from the screen, including the dimmed colors, typical of English aesthetics, in which the film was shot, and the expensive grunge-looking outfits of the lady, who has not lost her aristocracy. Again, we see the inversion of style, the inversion of aesthetic preferences...

Among Russian films, Eldar Ryazanov's *Promised Heaven* (1991) was and remains the most powerful in terms of emotional impact. The setting—a dump near the railway station—is a marginal space very typical of the Russian reality. The “home” for the homeless here is a railway car that has served its purpose, which is also quite realistic: abandoned cars are rather suitable for living in them during cold winters, so they often become the shelter for the homeless. The drama of superfluous people represented by the top-class Soviet actors, brilliant camera work—all this once again contributes to the aestheticization of marginality among the gross audience. An important moment is the time when the film was shot—the chaotic nineties, when the Soviet way of life ended, and a new identity was forming, when many people unwillingly found themselves “overboard” and had to switch to the underside of life. Since then, it so happens that Russian marginalized people are not necessarily those who were born in poverty and inherited it. To this day, “more than half of the homeless have a secondary education, a quarter has secondary vocational or secondary technical education, which means that the majority of them are fairly educated people, many have demanded skills” [11, p. 42]. For the most part, these people were simply unable to overcome life's challenges and went down the hierarchy, sometimes quite deliberately and fast.

The awareness of choice and a distinctive philosophy of marginality was brilliantly noticed by Gorky more than a century ago and crystallized in Satin's monologue: "Man! It is glorious! It sounds—oh—so big! Man must be respected—not degraded with pity—but respected, respected! [...] When I'm out on the street people stare at me as if I were a scoundrel—they draw away from me—they look after me and often they say: 'You dog! You humbug! Work!' Work? And what for? to fill my belly? [Roars with laughter] I've always despised people who worry too much about their bellies. [...] Man is loftier than that! Man stands above hunger!" [46]. In the film *The Lower Depths* (orig. *Na Dne*) (Vladimir Kott, 2014) (Fig. 3), the monologues from Gorky's play were slightly edited and shortened, the story was updated to the present, and the setting moved from an uptown shelter to a city dump.

Fig. 3. Satin's monologue. Russian trailer for *The Lower Depths* (directed by V. Kott)³

An isolated urban dump is certainly not the same as an invasive marginal space and appears to be a kind of light-version of the southern slums. It is a separate world where corruption merges with marginality, a good basis for investigative journalism and documentaries, both Russian and foreign. One of them is the BBC film *Something Better to Come* (Hanna Polak, 2014) [47]. The forty-minute documentary became the essence of the director's long-term narrative—filming at a dump near Moscow lasted fourteen (!) years. Just like many Western reality shows, there was a classic happy end: with the crew's

³ See the image source: <https://www.youtube.com/watch?v=rnRR5JIP1rw&t=14s> (18.03.2021).

help, Yula, the main character, managed to solve the housing problem and move to appropriate conditions together with her mother and her boyfriend.

As for the modern narratives, they emerged in the Russian media zone not so long ago and quickly gained great popularity. There are many such channels on YouTube; in two of them, the topic is stated in the titles: *Lyudi ub(h) lyudi*, which can be translated as “scum people” [48] (27 thousand subscribers) (Fig. 4), and *Den’ bomzha*—“homeless’ day” [49] (42 thousand subscribers). Such videos leave no place for psychological drama, as long as their lengthiness, the excessive use of long takes (even if there are some cuts), the abuse of streams, in essence, do not contribute to maintaining tension, ruefulness and philosophizing. One could say that such videos, on the material of a marginal subculture, realize Pasolini’s idea of an infinite film about people’s lives.

Fig. 4. *Headquarters*. Scum people Breakfast at Savka [the Savyolovsky railway station] | Kolya is back | Homeless’ day (Radio Bashka YouTube channel)⁴

Speaking about media coverage, such projects have associated channels in social networks; as for commerce, they offer paid subscriptions with early access to new episodes, additional information about the heroes of the videos, and contacts with advertisers.

The main semantic message here is not only performativity, peeping, but also active participation, including that of subscribers. Unlike slums, an invasive space is relatively safe for the viewers, so the narrative acquires some

⁴ See the image source: URL: https://www.youtube.com/watch?v=_W77nj0dA5o (15.03.2021).

properties of interactivity, of reaching another world with different personal goals. “Anyone who has become a homeless person loses their status or simply ceases to exist: you can stumble over them and not notice, you can stand and look at them, pointing with your finger, you can come up and take a picture with them or hit them if you are in a bad mood” [50, p. 98]. Each video might be (and is) followed by thugs with bats or compassionate women with food, who come to places where homeless people can be encountered.

The comments under the videos are a separate topic. The audience is polarized: some say that living like this serves the characters right, others want to help the homeless. Girls write love letters to especially remarkable characters, but after a couple of seasons the character ceases to be as remarkable, since the camera dispassionately captures progressive alcoholism and personal degradation.

These channels perfectly capture the interconnection of marginal spatial self-organization with the peculiarities of the national mentality.

An interesting phenomenon of Russian YouTube is the video blogs of the homeless themselves. The most striking characters are Zhenya Yakut [51] and Oleg Mongol [52]. Zhenya Yakut is “the pioneer (or at least the first known) of the ‘marginal’ Russian YouTube. He launched his channel in the spring of 2015, but died of pneumonia six months later, on October 29th. During these months, Zhenya Yakut posted 39 videos” [53]. The more successful Oleg Mongol does well out of his channel, he went to Thailand for a vacation, had his teeth replaced and participated in several talk shows.

Trash is declared as the content of many videos (as a hashtag), implicated in philosophical considerations like the above monologue of Satin—the denial of the blessings of the material world for the sake of “freedom,” a kind of semantic inversion of the famous statement of Grigori Skovoroda: “The world tried to catch me but could not.”

If we depart from the position of feature films, it becomes obvious that in modern Russia the “seamy side of the city” is in most cases the result of the end-stage alcoholism of its inhabitants. This determines the visual and qualitative characteristics of the microlandscapes in which they live. Excessive alcohol consumption is considered a national trait of the Russian people, and it is especially clearly manifested in the marginal subculture: its representatives are deprived of their families, housing, and work for this very reason. This is why the habitats of Russian homeless people, even if it is heating pipe mains, railway stations, garages, strips of wood and not dumps, turn into a dump

anyway—people simply do not organize and ennoble their patches of land, there is always garbage, empty alcohol bottles and filth.

Instead of being a brand and performance, visualization of cluster marginality can become a tool in suppressing the invasion of marginal spaces into the regular city spaces. Though such cases are rare. In particular, in the summer of 2015, a surge in public anxiety about the strangle of the homeless in New York City resulted in the police announcing of an anti-homeless campaign “Peek-A-Boo, We See You Too.” The citizens photographed the homeless on the street, tagging their location and uploading the photos to a dedicated website [26].

As a consequence, the US marginal subculture is forced to be mobile. With all their belongings in a trolley borrowed from a supermarket, homeless people move from place to place, because as soon as they settle down, here come problems. That is why the episodic homelessness assistance programs in the States include the distribution of one-person mobile cabins in which one can sleep and store things.

The spatial localization of the marginal subculture is associated with **the problem of boundaries**. On the one hand, these are the boundaries between prosperous and disadvantaged areas. On the other hand, in terms of invasive marginality, the entire environment of the city can turn into a borderline, liminal space with appropriate laws. This phenomenon is somewhat similar to the frontiers in the American Old West, where the border between the reclaimed and undeveloped territories became a place of settled life and gave rise to a special subculture taking it as normal that anyone could grab a pistol and start shooting. The total **ubiquitousness of marginality** within the institutionalized “body” of the city can be observed, for example, in Lima, the capital of Peru, where all the well-to-do and “average” houses, that is almost all houses in the city, are coiled up with barbed wire or electrified wire, because the streets are a danger. Thus, the entire city turns into a border area.

When **the city itself is a semi-marginal environment**, then, like in a wild forest, there emerge well-trodden paths. Just step off it, and you immediately find yourself in an undeveloped hostile space. And this can happen not only on the outskirts, but also at the historical center of a city. When in Barcelona, if you leave the well-known La Rambla and go straight towards the Fundació Joan Miró Museum (author’s personal experience), a couple of households away from La Rambla you encounter a completely different environment, where there is no place for tourists and law-abiding citizens. But this environment is a

seamy side of particularly La Rambla, with its abundance of people and money. A little further, an almost deserted, abeyant urban landscape begins, where there is neither people nor money.

The ubiquitousness of marginality is not necessarily total, it can be point-like, too—one can speak of its **scatter or dissolution**.

Scatter is when the marginality loci are not grouped within the city space, but represented by individual colorful (or not) characters. Scatter is most vividly represented on the streets of Buenos Aires, where there are people living on the streets in a totally prosperous historic center. These are upcountry people and emigrants who come there with families, bear children there; the mattresses they sleep on become stationary centers, and volunteers provide them with hot dinners every evening. Many illustrated blogs about Argentina describe this order in detail [54].

Dissolution is when burgher and marginal subcultures are mixed in the concrete jungle, and there are no special trodden paths for the average citizens and tourists. This feature is typical, for example, of Indian cities: amidst both fancy and backwater areas there are people who sleep on straw mats on the street and live by begging. In India, marginality permeates the urban space, it is almost everywhere, like air. At the same time, it does not feel like living within borders, and the city does not create a sensation of a fortress. The national feature is a philosophical approach to life, conditioned by the concept of reincarnation—there is no point in struggling to achieve material well-being in this life, if it will be given in the next life. Many of the people living on the streets come to the city from the countryside, where they have a house of some sort, that is why they do not feel like they have sunk in the social scale. They do not set up their dwellings, but at the same time do not make them a mess. And this, too, generates distinctive visualization, for instance, a viral photo by Gautam Basu [55] (Fig. 5), one of the winners of the CIWEM Environmental Photographer award: the mother is getting her daughter ready for school sitting in a concrete pipe, which is home for them.

Another variant of invasive marginality are **dungeons**—a way of keeping the city's stigma from prying eyes. If we address the Russian-language classics, the reference point is the story In *Bad Company*, better known in Russia as *Children of the Underground* (1881–1884), by Vladimir Korolenko. It is a romantic psychological drama about a homeless family living under an abandoned chapel in a cemetery. In the modern Russian version, these are basements and underground heating plants; in many cities of the global

Fig. 5. Mother preparing to send her daughter to school. Gautam Basu⁵

south, these are old cemeteries, where people were buried in crypts, now actively used for dwelling. The largest underground city—the Los Angeles storm sewers—is a place where police don't like to be, so it is rather stable, unlike tent towns. Some inhabitants set up their living space thoroughly and comfortably, while the major part of the underground city is a shelter for drug addicts and criminals. This is a place with a hint of peculiar aesthetics—the storm drain walls are covered with graffiti, sometimes quite professional. Journalist Matthew O'Brien gave the underground city its visual and textual representation: his website [56] contains links to his reports and books *Beneath the Neon* [16], *Dark days, bright nights* [17], *My week at the Blue Angel* [57]. The latter was created in tandem with renowned photographer Bill Hughes. Underground cities have received attention in some of the Russian blogs as well [e.g., 58].

⁵See the image source: <https://hatefsvoice.files.wordpress.com/2011/10/india12.jpg> (18.03.2021).

5. CONCLUSION

To sum up, marginality is always built into the urban cultural landscape. The cultural mentality and the national cultural landscape define its spatial structure. It is associated with a whole spectrum of social problems, which, again, provoke and shape spatial structures, their visual qualities and the ways to represent them in texts, films and media. The problem of marginality, on the one hand, exists as a reality in the geocultural space, and on the other, as images captured in documentary filmmaking and feature films. Video images accumulated by human kind over the past half century now fill the Internet space, creating an information environment for every taste and interest—from romance to trash. Exploration of the city's stigmas by art leads to an inversion of aesthetics and ethics. Cinema and documentary video narratives are becoming a precedent text in the context of culture. Looking at a marginal environment through a camera touts it as normal, arouses curiosity and even pleasure, provokes a desire to visit the "location"—either as a gazer or as an active figure. Through the prism of the precedent movie texts, the text of a real cultural landscape begins to be read. Marginalization is increasingly perceived not as a problem, but as a spectacle and an interactive performance. Interactivity can be different—from releasing one's aggression at the expense of socially unprotected people to trying one's fate in a potentially dangerous environment, from hobnobbing to charity.

Apart from the problems of homelessness and pseudo-urbanization, which seem to occupy a central place, the information conveyed through visual images reflects the peculiarities of the semantic structure of cultural landscapes. It forms a visual epistemology of an unsafe, strange, "other" urban space. This epistemological background becomes a necessary basis with which it is possible to interpret marginality both as hyper-visibility and as social invisibility—as a matter of fact, the focus related to social shifts to a certain degree from discussing the causes and solutions to mere observation, taking photos and recording videos.

REFERENCES

1. Logacheva S.M. Kuda ischezli marginaly? [Where did the marginals disappear?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University]. 2019. Issue 1, pp. 61–67.
2. Ermilova A.V. *Litsa bez opredelennogo mesta zhitel'stva kak marginal'naya grupa sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Persons without a certain place of residence as a marginal group of modern Russian society] [PhD thesis]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky University, 2003. 24 p.
3. Zorbaugh H.W. *The gold coast and the slum: Sociological study of Chicago's near north side*. University of Chicago Press, 1977. 344 p.
4. Tonkiss F. *Space, the city and social theory: Social relations and urban forms*. Cambridge: Polity, 2005. 170 p.
5. Aceska A., Heer B., Kaiser-Grolimund A. Doing the city from the margins: Critical perspectives on urban marginality. *Anthropological Forum*. 2019. 29 (1), pp. 1–11. <https://doi.org/10.1080/00664677.2019.1588100>
6. Soederberg S. Governing stigmatised space: the case of the “slums” of Berlin-Neukölln. *New Political Economy*. 2017. 22 (5), pp. 478–495. <https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1240671>
7. Panday P.K. *The face of urbanization and urban poverty in Bangladesh: Explaining the slum development initiatives in the light of global experiences*. Singapore: Springer, Palgrave Macmillan, 2020. 162 p.
8. Hossain S. *Urban poverty in Bangladesh: Slum communities, migration and social integration*. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2011. 252 p.
9. Bansal R., Gandhi D. *Poor little rich slum: What we saw in Dharavi and why it matters*. Manipal: Manipal Technologies Ltd., 2012. 192 p.
10. Chhabria S. *Making the modern slum: The power of capital in colonial Bombay*. Seattle: University of Washington Press, 2019. 256 p.
11. Bobyleva N.I., Konopleva Yu.V. Obraz “drugogo cheloveka” v sredstvakh massovoy informatsii kak sotsial'nyy risk [The image of the “other person” in the mass media as a social risk]. In E.N. Shovina (Ed.), *Sotsial'nye riski i upravlenie imi v sovremennoy obshchestve: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Social risks and their management in modern society: Materials of the all-Russian scientific and practical conference]. 2015, pp. 80–83.
12. Frenzel F., Steinbrink M., Koens K. (Eds.). *Slum tourism: poverty, power and ethics*. NY: Routledge, 2012. 264 p.
13. Holst T. *The affective negotiation of slum tourism: City walks in Delhi*. London, NY: Routledge, 2018. 183 p.
14. Moreira R. “To be a slut is to be free”: Women in favela funk, performances of racialised femininity, and celebrity media. *Celebrity Studies*. November 2020. (1), pp. 1–18. <https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1240671>

15. Aedo A. Politics of presence at the urban margins: Emplacement as a performative force among migrant-settlers in Chile. *Anthropological Forum*. 2019. 29 (1), pp. 12–29. <https://doi.org/10.1080/00664677.2019.1585752>
16. O'Brien M. *Beneath the neon: Life and death in the tunnels of Las Vegas*. Las Vegas: Huntington Press, 2007. 281 p.
17. O'Brien M. *Dark days, bright nights: Surviving the Las Vegas storm drains*. Las Vegas: Central Recovery Press, 2020. 202 p.
18. Krstić I. *Slums on screen: World cinema and the planet of slums*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2016. 288 pp.
19. Denisov S.F. Filosofsko-antropologicheskaya sistema bytiynykh form bezdom'ya. [Philosophical and anthropological system of existential forms of homelessness]. In *Real'nost', chelovek, kul'tura: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu kafedry filosofii Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Reality, human, culture: Materials of the all-Russian scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Philosophy of Omsk State Pedagogical University]. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2015, pp. 114–118.
20. Brighenti A.M. Introduction. In A.M. Brighenti (Ed.), *Urban interstices: The Aesthetics and the politics of the in-between*. Dorchester: Ashgate Publishing Limited, 2013, pp. xv–xxiii.
21. Basu K. Slum tourism: for the poor, by the poor. In F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens (Eds.), *Slum tourism: poverty, power and ethics*. NY: Routledge, 2012, pp. 66–82.
22. Diekmann A., Hannam K. Touristic mobilities in India's slum spaces. *Annals of tourism research*. 2012. 39 (3), pp. 1315–1336.
23. Levesque L. Trajectories of interstitial landscapeness: A conceptual framework for territorial imagination and action. In A.M. Brighenti (Ed.), *Urban Interstices: The Aesthetics and the Politics of the In-between*. Dorchester: Ashgate Publishing Limited, 2013. pp. 21–64.
24. Jones G.A., Sanyal R. Spectacle and suffering: The Mumbai slum as a worlded space. *Geoforum*. 2015. 65, pp. 431–439. <http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2015.02.008>
25. Merrill L. Amalgamation, moral geography, and “slum tourism”: Irish and African Americans sharing space on the streets and stages of antebellum New York. *Slavery & Abolition*. 2016. 37 (3), pp. 638–660. <https://doi.org/10.1080/0144039X.2016.1208913>
26. Goldfischer E. “Peek-A-Boo, We See You Too”: Homelessness and visibility in New York City. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2018. 0(0), pp. 1–18. <http://dx.doi.org/10.1177/0263775818768546>

27. King R., Dovey R. Reading the Bangkok slum. In F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens (Eds.), *Slum tourism: poverty, power and ethics*. NY: Routledge, 2012. pp. 159–171.
28. *World Cities Report 2016: Urbanization and development—Emerging futures*. UN-Habitat, 2016, 262 p. Retrieved February 24, 2021, from <https://unhabitat.org/world-cities-report>
29. Shagaya po planete [Walking on the planet]. “*Trushchoby Erevana*”: *Rajon Kond*. [“The slums of Yerevan”: Cond district]. Retrieved February 24, 2021, from <https://zen.yandex.ru/media/id/5c98d0b6c56eea00b2639b7a/truscoby-erevana-raion-kond-5d43faa597b5d400adb827b3>
30. Falco E., Zambrano-Verratti J., Kleinhans R. Web-based participatory mapping in informal settlements: The slums of Caracas, Venezuela. *Habitat International*. 2019, 94, Article 102038. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2019.102038>
31. Nisbett M. Empowering the empowered? Slum tourism and the depoliticization of poverty. *Geoforum*. 2017. 85, pp. 37–45. <http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.07.007>
32. Brook D. Slumming it: The gospel of wealth comes for Dharavi. *The Baffler*. 2014. (25), pp. 136–145. Retrieved February 24, 2021, from <https://issuu.com/thebaffler/docs/no25>
33. Mkono M. The reflexive tourist. *Annals of tourism research*. 2016. 57, pp. 206–219. <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2016.01.004>
34. Sen A. Sex, sleaze, slaughter, and salvation: Phoren tourists and slum tours in Calcutta (India). *Journeys*. 2008. 9 (2), pp. 55–75.
35. Mahmood M. Slumdog Millionaire star Rubina Ali offered for sale by father. *Huffpost*, April 19, 2009. Retrieved May 26, 2021, from https://www.huffpost.com/entry/slumdog-millionaire-star_n_188662
36. Frenzel F. Beyond “othering”: The political roots of slum tourism. In F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens (Eds.), *Slum tourism: poverty, power and ethics*. NY: Routledge, 2012, pp. 49–65.
37. NIB AUH. *Kevin McCloud: Slumming it (2010)* [Video]. YouTube. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/watch?v=Im0tHRs9Bng>
38. Puteshestviya so smyslom. *Kak zhivut nishchie v trushchobakh Dkharavi* [How the poor live in the slums of Dharavi] [Video]. YouTube. Retrieved February 24, 2021, from <https://zen.yandex.ru/media/bepowerback/kak-jivut-niscie-v-truscobah-dharavi-40-foto-5dd4746a4b1a762d7ecb92d6>
39. Odede K., Posner J. *Find me unafraid: Love, loss, and hope in an African slum*. HarperCollins, 2016. 353 p.
40. Takie dela. *Vot, vsyo: Dokumental'nyy fil'm o zhizni bezdomnykh lyudey* [Here, that's it: A documentary about the life of homeless people] [Video]. YouTube. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/watch?v=EXx8AXSTRJc>

41. Brown L.B. *Body parts on planet slum: Women and telenovelas in Brazil*. Anthem Press, 2011. 182 p. URL: <http://library.lol/main/6372033D16D41453D51B00D016530C2A>
42. Brovin V. Kak vyglyadyat afrikanskie modniki i stilyagi [What African fashionistas and dandies look like]. *Disgusting Men*. 14.09.2016. Retrieved February 24, 2021, from <https://disgustingmen.com/blog/la-sape-congo-dandies>
43. Nemedno o mode s Nataliy Ksenchak [Unfashionable talk about fashion with Natalia Ksenchak]. *Modnaya Afrika: stilyagi iz Kongo. Subkul'tura La Sape* [Fashionable Africa: Dandies from the Congo. La Sape subculture] [Video]. YouTube. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/watch?v=bHkq6wquJnI>
44. Menezes P. A forgotten place to remember: Reflections on the attempt to turn a favela into a museum. In F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens (Eds.), *Slum tourism: poverty, power and ethics*. NY: Routledge, 2012, pp. 83–124.
45. Mitchell D. Tent Cities: Interstitial Spaces of Survival. In A.M. Brighenti (Ed.), *Urban Interstices: The Aesthetics and the Politics of the In-between*. Dorchester: Ashgate Publishing Limited, 2013, pp. 65–86.
46. Gor'kiy M. *Na dne* [The Lower Depths]. Retrieved February 24, 2021, from [https://ru.wikisource.org/wiki/На_дне_\(Горький\)](https://ru.wikisource.org/wiki/На_дне_(Горький))
47. BBC News—Russkaya sluzhba. *Devochka zhivushchaya na svalke: Dokumental'nyy fil'm Bi-bi-si* [Something better to come] [Video]. YouTube. 2014. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/watch?v=aLueL8bJJK4>
48. Lyudi ub(h)lyudi [People who are wow (or) scum ones]. Home [YouTube channel]. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/c/ЛюдиУблюдИ/featured>
49. Den' bomzha TV [Scum people's Day TV]. Home [YouTube channel]. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/channel/UCfYWK0IYAYRtz6DrkhZ0pgQ/> featured
50. Chernysh M.F., Tikhonova N.E. Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza [Social stratification in modern Russia: The experience of empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2012. (8), pp. 147–150.
51. Zhenya Yakut bomzh blogger [Zhenya Yakut—the scum blogger]. Home [YouTube channel]. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/c/MoscowVoodoo/featured>
52. Oleg Mongol. Home [YouTube channel]. Retrieved February 24, 2021, from <https://www.youtube.com/channel/UCY3cAFZd0FaU3PyOOa7vJGA>
53. *Kak bomzhi i alkashi stanovyatsya millionerami: 4 glavnykh rossiyskikh blogera-marginala* [How homeless people and drunks become millionaires: 4 main marginalized Russian bloggers]. Geekville. Retrieved February 24, 2021, from <http://geekville.ru/novosti/kak-bomzhi-i-alkashi-stanovyatsya-millionerami-4-glavnyh-rossijskih-blogera-marginala/>

54. Lemos M. *Bomzhi Buenos-Ayresa* [Homeless people of Buenos Aires]. Maksim Lemos: Vash gid i provodnik po Argentine i Latinskoy Amerike [Maxim Lemos: Your guide to Argentina and Latin America] [Website]. Retrieved February 24, 2021, from <http://ru-ar.ru/bomzhi>
55. Basu G. *A homeless mother preparing to send her daughter to school in the morning, while her still sleepy son clings to her in India* [Photograph]. Retrieved February 24, 2021, from <https://hatefsvoice.files.wordpress.com/2011/10/india12.jpg>
56. O'Brien M. *Matthew O'Brien: Writer–Editor–Teacher* [Web-site]. Retrieved February 24, 2021, from <http://beneaththeneon.com/>
57. O'Brien M., Hughes B. (Photogr.) *My week at the Blue Angel: And other stories from the storm drains, strip clubs, and trailer parks of Las Vegas*. Huntington Press, 2015. 218 p.
58. Paradoкс. *Tsivilizatsiya bezdomnykh v sisteme tunneley pod Las-Vegasom: Drugaya storona goroda razvlecheniy* [The civilization of the homeless in the tunnel system under Las Vegas: The other side of the city of entertainment] [Video]. YouTube. Retrieved February 24, 2021, from <https://youtu.be/9CoWqBeOHjw>

ABOUT THE AUTHOR

OLGA A. LAVRENOVA

D.Sc in Philosophy, PhD in Geographical Sciences,
Leading Researcher at the Division for Cultural Studies,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, 51/21,
Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117997;
Professor at the Department of Foreign Languages
and Communication Technologies,
MISIS National University of Science and Technology,
4, Leninsky Prospect, Moscow, 119049;
Professor at the Department of Theory and History of Culture,
GITR Film and Television School,
32a, Horoshevskoe sh., Moscow, 123007
Honorary Member of the Russian Academy of Arts,
President of the International Association
of Semiotics of Space and Time (IASSp+T/AISE+T, Switzerland)

Researcher ID: AAK-6407-2020

ORCID: 0000-0003-4916-0622

e-mail: olgalavr@mail.ru

УДК 316.7 + 791.4 + 008
ББК 60.54 + 85.37 + 71.05

DOI: 10.30628/1994-9529-2021-17.2-61-117
received 14.03.2021, accepted 29.06.2021

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАВРЕНОВА

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Национальный исследовательский технологический
университет «МИСиС»,
Институт кино и телевидения (ГИТР),
Москва, Россия
Researcher ID: AAK-6407-2020
ORCID: 0000-0003-4916-0622
e-mail: olgalavr@mail.ru

«ИЗНАНКА ГОРОДА»: МАРГИНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. Тема людей, выброшенных на обочину жизни, рассматривается в двойном фрейме — в контексте организации пространства города и в контексте современной визуальной культуры (художественных фильмах, видео- и фото- блогах, в роликах популярных YouTube-каналов). Наиболее раскрученный в современных медиа тип маргинального ландшафта — трущобы. Инаковость этих пространств всегда была поводом для интереса и любопытства, «глазения» — интерпретации, восприятия и использования их как зрелища. В современной масскультуре особенно популярна «натура» трущоб глобального Юга. Про них сняты гиперпопулярные игровые фильмы, такие как «Миллионер из трущоб», и это вызвало новое культурное явление — массовый трущобный туризм, который представляется неоднозначным явлением с этической точки зрения, но с точки зрения визуальной культуры — это возведение вуайеризма в ранг искусства и повседневной практики. Второй тип городских маргинальных ландшафтов — локальные «инвазии» в благопристойное и институционализированное пространство города. Этот тип в искусстве является «натурой» для психологической драмы на тему лишних людей. Особенности национального самосознания наиболее ярко проявляются именно с изнаночной его стороны. Японские городки бездомных, не чуждые порядку и эстети-

ке, встроенные в центральные и вполне благополучные районы, совершенно противоположны российским реалиям — хаосу, уходу от норм и в подполье. Классические фильмы, посвященные этой проблематике — «Додэскаден» А. Курасавы, «Небеса обетованные» Э. Рязанова, «Леди в фургоне» Н. Хайтнера — моделируют эти изнаночные пространства и их особенности, свойственные национальной культуре. Большой популярностью сейчас пользуются YouTube-каналы о жизни бомжей, которые снимают реальных персонажей на реальных местах их обитания, вводя маргинальные пространства в ранг востребованной визуальной культуры. Такой тип визуализации провоцирует иное культурное явление — восприятие маргинальных локусов и их обитателей как интерактивного перформанса. Тип интерактивности может быть разным — от нападений до братаний, от моральных нотаций до благотворительности. Гипервизуализация и эстетизация социальных язв, как ни странно, способствует их социальной невидимости. Эту проблему уже никто не собирается решать, она стала частью современной культуры, имеющей свое философское и эстетическое обоснование, — и это своего рода ее оправдание.

Ключевые слова: город, трущобы, маргинальность, культурный ландшафт, визуальная культура

В современной гуманитаристике понятие маргинальности достаточно широко, полисеманлично и обычно трактуется как «окраинное, пограничное или межстратное положение какого-либо объекта. [...] маргинальный человек — это человек без определенной культуры, который вынужден, в силу совершенно различных причин, осваивать новые и порой враждебные культуры» [1, с. 61]. Но не менее актуален узкоспециальный социальный подход. «В рамках концепции социальной маргинальности последняя рассматривается преимущественно в социологическом плане как следствие бедности, безработицы, социального кризиса» [2, с. 4], а также алкоголизма и наркомании. Соответственно, под маргинальностью понимают, прежде всего, проблему «лишних» людей, отвергнутых обществом и зачастую отрицающих общественные ценности, т.е. тех, кто находится «на краю». В данном исследовании маргинальность будет рассматриваться именно в этом контексте.

Онтологическая сущность культуры — наиболее пронзительна там, где ее никто не видит и не ищет — в маргинальных пространствах. Это места вне социальных норм, и если в них что-то и остается человеческого, — то это именно то, что принадлежит этой культуре. Это те исключения, которые подтверждают правила. Если мы говорим о культурном ландшафте, то это своеобразные «черные дыры», которые неизбежно встроены в

его структуру и также являются неотъемлемым активным агентом создания смыслов.

Обозначенная тема маргинальных ландшафтов в контексте визуальной культуры — это своеобразная «матрешка», «коробочка в коробочке» и фрейм в фрейме.

Во-первых, это собственно проблема маргинальности во фрейме организации культурного ландшафта, его структуре. Во-вторых, — это фрейм визуализации — в Интернете, в блогах, в YouTube-каналах, в художественных фильмах — в котором будет рассматриваться проблема маргинальности в контексте культурного ландшафта. В-третьих — это повседневные практики, порожденные визуальной культурой, такие как труппный туризм и интерактивные перформансы с участием бездомных.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Изучение проблемных районов города имеет долгую и богатую историю, в основном в рамках **социологии** и **урбанистики**. Изучаются разные формы — гетто, неформальные поселения, лагеря беженцев, т.е. наиболее заметные социально-пространственные образования в городах, где проживают экономически, политически и социально маргинализированные городские жители. Был проведен большой объем «полевых» и теоретических исследований в социологии, антропологии и критической городской географии, среди них — классическая Чикагская школа городской социологии, в частности, книга Харви Зорбо [3], и более поздние работы неолиберального периода [4]. Как результат влияния ранних работ Чикагской школы, городская маргинальность и пространственность продолжают рассматриваться как тесно связанные и взаимно конституирующие [5]. Современный подход предполагает, что исследуются уже не столько социальные явления, сколько многочисленные структурные процессы, которые приводят к возникновению маргинальных пространств в городе. Этот подход, в частности, был представлен в специальном выпуске, посвященном городской маргинальности, журнала «Антропологический форум» [5] и других статьях [напр., 6].

Научные исследования по урбанизации, городской бедности и инициативам выходят за рамки европейской науки — азиатские ученые создают комплексные исследования о внедрении различных инициатив и социальных программ, направленных на изменение качества жизни трущоб и возможного решения этой проблемы в глобальных перспективах, напри-

мер, исследования трущоб в Бангладеш [7; 8]. Исследование индийскими авторами самой известной трущобы мира — Дхарави в Мумбаи, сочетает в себя диалоги с их обитателями, визуальный ряд, являющийся частью повествования, обсуждение социальных проблем [9]. Также интересны новые исследования трущоб Индии с позиций неомарксизма и кризиса урбанизма [напр., 10]. В отечественных общественно-философских штудиях есть прецеденты философского осмысления инаковости субкультуры бездомных в контексте культурологической концепции Другого [11].

С 2000-х годов начинает обсуждаться новый дискурс — **перформативность** маргинальных пространств, их визуализация в современных медиа, документальном и игровом кино, и как следствие — зарождение и развитие мощного течения «трущобного туризма». Этой теме был посвящен целый сборник под редакцией Ф. Френцеля, М. Штейнбрика и Ко Кюенса (2012) [12], книга Торе Холста (2018) [13]. В связи с темой трущоб исследуется тема сексуальности и прав и свобод женщин и их образы в современных медиа [14]. Сама пространственность и структура тоже рассматриваются как перформативная сила, в которой материальность и аффективность связаны друг с другом [15].

Также обсуждается тема так называемой «пространственной стигматизации» — мест с высокой концентрацией бедности, — и возможностью управления их обитателями и их интеграции в общество и «монетизации социально-пространственного воспроизводства» [6].

Известный исследователь подземных поселений Лос-Анжелеса Мэтью О'Брайн, автор книги «Под неоном» [16], недавно выпустил новую книгу «Темные дни, яркие ночи», где проблемы маргинальности и бездомности описаны через истории отдельных людей, как сборник жизненных трагедий [17].

В киноведении тема перформативности и визуальных образов трущоб получила свое освещение. Недавно вышла книга Игоря Кристича «Трущобы на экране» [18]. Кристич предлагает понимать неореалистическую и документальную эстетику как способы репрезентации реальности. Он представляет читателям визуализацию трущоб в исторической перспективе — от зарождения фотографии до цифрового кино. Также он анализирует существующие кинематографические образы трущоб.

Таким образом мы видим два достаточно четкие направления в изучении маргинальности — в рамках социальной урбанистики и в рамках критических исследований современной визуальной культуры.

Данная статья представляет собой попытку объединить эти курсы в контексте концепции культурного ландшафта, где визуализация и зрелищность маргинальных пространств рассматриваются как «несущие» элементы его семантической структуры. И, конечно, отличительной особенностью этого исследования является обращение к российскому визуальному материалу, которая остается вне поля внимания зарубежных исследователей.

2. МАРГИНАЛЬНОСТЬ

КАК ЧАСТЬ СТРУКТУРЫ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Культурный ландшафт в разных научных дисциплинах определяют по-разному, но все сходятся в том, что это функциональное единство культуры и вмещающего пространства. Это единство включает в себя не только творения человеческих рук, но также энергию и информацию. Семиотическая концепция культурного ландшафта, которая будет использоваться в данной статье, предполагает, что информация в большинстве своем — 1) это знаки, в которые превращаются топонимы, холмы, реки, города и отдельные артефакты на земной поверхности, 2) а также знаки и коды, изначально бытующие в культуре, которые влияют на восприятие и новое означивание пространства.

Внутри этого пространства, превращенного культурой в знаковую систему, неизбежно есть места, которые классик американской гуманитарной географии И-Фу Туан определил как «топофобные», вызывающие страх и негативные чувства, и имеющие соответствующую семантику «изнанки» обыденной благоустроенной жизни.

Если в доисторические времена топофобными были неосвоенные дикие места — горы, лес и т.п., то сейчас они концентрируются внутри наиболее освоенных людьми локусов — городов. Если раньше объективными причинами страха были некие inferнальные или природные силы, то теперь — сами люди. Только «другие» люди, «с низкой социальной ответственностью», как их принято называть сейчас в России, чтобы соблюсти политкорректность. Эти люди отвоевывают у города места для жизни, и они становятся табу для всех остальных.

Здесь лишь вскользь коснемся темы криминальных районов, как топофобий современного города (которые могут находиться в центре города и выглядеть вполне благополучно), и сосредоточимся местах, облюбо-

ванных бездомными и/или маргиналами, теми, кто находится на окраине социальной жизни и ее системы ценностей.

Важной категорией в этом дискурсе является дихотомия «дом–бездомность», которая претерпевает семантическую и практическую инверсию. Традиционно «одним из спасительных начал человеческого бытия выступает дом, а губительным началом — лишенность дома или бездомье. При этом явление дома обычно наделяется такой базовой характеристикой, как оседлость, а бездомности приписывается свойство мобильности. В таком случае бездомье состоит из мобильных людей» [19, с. 115]. Но духовное странничество, которое раньше было синонимом бездомья, совсем не то, что социально обусловленная бездомность. В последнем случае мобильность стремится к минимуму даже при отсутствии дома, бездомные оседают в каких-то конкретных местах и при любой возможности начинают обустроить свой быт, как минимум — постоянную лежанку, как максимум — нелегальный самострой. И то и другое лишь фантом дома, поскольку самострой может быть снесен властями, а лежанка сожжена хулиганами. Благодаря этой псевдооседлости можно говорить именно о пространственных структурах маргинальности.

Маргинальность часто соотносят с промежуточностью, не в смысле состояния «перехода», а в смысле заполнения пустот, поскольку она заполняет «поры» города, теснится в промежутках между контролируемыми и организованными районами. «Промежуточность миноритарных пространств в том, что они окружены другими, более институционализированными пространствами. Самое главное, однако, то, как такое «окружение» происходит на практике, делает промежутки более или менее пригодными для жизни, более анклавными или достигающими некоего предела» [20, р. xix].

3. МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ЗРЕЛИЩЕ

В идеале при производстве пространства города организуется множество подпространств, тщательно упакованных для минимизации риска контакта с асоциальными элементами.

С одной стороны, коммодификация повседневной жизни требует построения границ между пространствами разного качества, используемого разными социальными группами. В идеале эти границы должны быть негласными и неявными, а пространства — структурированными устойчивыми образами различия.

С другой — разноплановые пространства города находились и находятся в постоянном взаимодействии. Движение всегда было встречным. В поисках легкого заработка или подаяния нищие и бездомные стремились в богатые и благоустроенные районы города, их оттуда прогоняли, но они неизменно возвращались.

«Интерстициальные» пространства вызывают не только чувство страха, но и приязни, «очаровывают, возбуждают и вдохновляют людей из всех слоев общества. Их посещали, пересматривали, исследовали и говорили о них с момента их первого появления» [21, р. 66]. Мировая литература свидетельствует о давней традиции, практике, которая изначально была создана пресыщенными аристократами как рекреационное времяпрепровождение. В XIX веке появляется тенденция к 'фланеризму' — прогулкам по городу и наблюдение за «низами» общества, при этом не забывая о своей безопасности. «С конца девятнадцатого века и вплоть до второй мировой войны посещение бедных районов города представляло собой бегство от социальных ограничений, подкрепленных романтическим воображением, но также и место для состоятельных женщин из высшего класса, чтобы оказать благотворительность, чтобы поднять свою собственную самооценку» [22, р. 1319].

Если в первом случае основной движущей силой «выплеска» в иносоциальное пространство — экономическая (маргинальные пространства всегда экономически зависимы от институциональных), то во втором — эмоциональная и экзистенциальная. «Попытка осмыслить промежуточность порождает многозначное дискурсивное поле, колеблющееся между связью и дизъюнкцией, порождающей иногда восторг, а иногда и откровение» [23, р. 21].

Современные исследователи, оценивая стремление насладиться видом трущоб, говорят о «вуайеризме» и «эстетизации бедности». Анализ трущоб как зрелища через призму представлений благополучного общества «предполагает способы критического осмысления того, как переупорядочивается городское пространство, как производятся и распространяются образы города и знания о нем» [24, р. 431].

Стигматизация — закрепление негативных ярлыков — становится предметом не только осмысления, но и закрепления в визуальных образах, и этот процесс, который должен был действовать как средство подкрепления различий, стремительно коммерциализируется.

В определенном смысле маргинальные пространства, наблюдаемые извне, обретают качества балагана — перформанса на городских улицах, который ко всему прочему несет в себе некое моральное наставление, способность заставлять зрителей переживать катарсис, обновлять духовно.

До появления кино эти пространства обыгрывались литературно, вызывая волну жгучего любопытства непосредственно к объекту описания. Люди взаимодействуют с литературными текстами и испытывают желание погрузиться в породивший их культурный текст, чтобы наблюдать, как зарождаются и существуют иные ценности и смыслы, и так рождаются новые нарративы.

Например, после выхода в свет книги Ч. Диккенса «Американские заметки» район трущоб Пять точек (*Five points*) стал самой привлекательной туристической достопримечательностью Нью-Йорка [25]. В Европе интерес к маргинальным пространствам подогрели роман «Парижские тайны» Эжена Сю и произведения его многочисленных подражателей.

В России очень важна фигура Ф.М. Достоевского, который не делал петербургские трущобы основным местом действия, но в его повествованиях периодически возникали связанные с ними персонажи, вызывающие мучительное сострадание. Российские «хождения в народ», особенно популярные в 1860–1870-е годы, как вариант временного нисхождения по социальной лестнице в XIX веке отличался от западного отстраненного фланерства деятельной миссионерской направленностью — либо желанием разжечь искры народного гнева, либо желанием проявить милосердие и направить заблудшие души на праведный путь.

Классический текст «На дне» М. Горького, хоть и не привязан к конкретному локусу, генетически связан с Хитровым рынком, самым значимым местом Москвы, и изначально написан в жанре пьесы (т.е. ориентирован на зрителя). К.С. Станиславский, художники и актеры, работавшие тогда над постановкой пьесы, ходили на Хитровку за впечатлениями, наблюдали, делали зарисовки, чтобы воспроизвести обстановку трущоб на сцене.

Современное осмысление визуализации маргинальных пространств в кино и медиа приводит к категорийному отнесению фото и видео-образов к «эпистемологическому фону», когда люди и места в центре изображений становятся «фоном» в знании, полученном от их образов [26].

4. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ И ВИЗУАЛЬНОСТЬ

Если отталкиваться от социальных проблем, влияющих на пространственный рисунок «изнанки города», его характер, семантику и визуальные репрезентации, то можно перечислить такие явления и проблемы как инвазивная культура и ее отношение с «аборигенной», проблема сепарированности или интегрирования в социальном пространстве и соответственно — проблема границ, проблема сезонности, постоянства и временности маргинальных локусов, проблема семьи и личностного одиночества.

4.1. ТРУЩОБЫ КАК ПЕРФОРМАНС И БРЕНД

Самый распространенный вариант и наиболее репрезентированный в современной визуальной культуре — это **трущобы** и **гетто** — **обширные районы**, заселенные беднотой и людьми «с низкой социальной ответственностью». Трущобы как зрелище и как повседневная практика, имеют мощный потенциал для создания альтернативных городских образов. «Трущобы бросают вызов нашему чувству разума и морали, а также нашему чувству красоты и чувству места» [27, р. 170].

Согласно определению Организации Объединенных Наций, трущобы — это место, где люди имеют небезопасный жилищный статус. Это означает, что они не имеют законного права на жилища и землю, не имеют доступа к элементарным благам цивилизации — чистой воде, канализации, медицинскому обслуживанию и т.п. [28] Это означает, что их жилища их строения могут быть снесены или отображены властями в любой момент, и часто так и случается.

Рисунок размещения и качество маргинальных мест в пространстве города определяется не только разнообразием климата и социальных проблем, но и культурными особенностями. Трущобы вокруг Рио-де-Жанейро совсем не то, что знаменитый Конд [29] Еревана, который представляет собой «псевдотрущобы» — бедные полуразвалившиеся, но легальные дома, населенные честными тружениками.

Классические же трущобы территориально и визуально отделены от основного «тела города», представляют собой как бы некие чужеродные «наросты» и «коридоры». С точки зрения структуры это «выморочные пространства», которые возникают на землях, неудобных для городской застройки, таких как овраги, как например, «коридоры» трущоб в Каракасе (Венесуэла) [30].

И в то же время трущобы генетически связаны и с мегаполисом, и с культурным ландшафтом страны в целом — это результат псевдоурбанизации, переезда жителей из деревень и из маленьких городов, чтобы быть ближе к возможности получения более высоких доходов (чаще всего нелегальных).

В таких анклавах существует множество социальных проблем в разных контекстах: сегрегации и стигматизации; отсутствия гражданства (люди без документов, беженцы); маргинальных социальных позиций, ограничивающих доступ жителей к благополучным городским пространствам и ресурсам [5].

Трущобы — отличительная особенность глобального Юга, где самострой трущоб — неотъемлемая часть любого большого города. Это саманные, шиферные, иногда даже кирпичные лачуги примерно два на два метра. Здесь царит антисанитария, водостоки превращены в свалки, здесь правят криминальные банды, которые контролируют это пространство полностью. Но парадокс в том, что современные трущобы становятся частью экономики города, здесь процветает (если так можно выразиться) мелкий бизнес, здесь есть и крупные предприятия, например, по переработке отходов, кроме того, значительная часть населения работает в городе. Трущобы — это замкнутое пространство, которое включает в себя широкие экономические, политические и культурные связи довольно непредсказуемым образом.

Именно трущобы, как целостные и концентрированные пространства нищеты и инаковости, стали наиболее востребованным зрелищем для пресыщенной публики и, соответственно, одним из существенных направлений международного туризма. Это было и раньше, но всплеск интереса спровоцировали фильмы «Город удовольствий» (Роллан Иоффе, 1992) и особенно — «Миллионер из трущоб» (*Slumdog Millionaire*, Дэни Бойл, 2008) (Рис.1).

Сами фильмы кинокритиками и культурологами оцениваются как западный, колониальный взгляд на азиатскую реальность. Мир трущоб предстает как сексуализированные, экзотические или примитивные пространства, кроме того, излишне романтизированные: «Когда одну из крупнейших трущоб Азии превозносят как “модель для всего мира”, что-то идет не так» [31, р. 45].

Экранное пространство проецируется в реальное пространство, и турист представляет собой новый тип зрителя, именно зрителя, поскольку

интерактивность минимизирована. «Туристы “наслаждаются” “санитарной” версией трущоб, которая не стремится оспаривать доминирующие представления из фильмов, которые они смотрели. [...] мало языкового взаимодействия с местными жителями, что усиливает ощущение отстраненного “взгляда”» [22, р. 1328]. Они являются пассивными зрителями, вуайеристами, наблюдающими за происходящим. Обилие туристических компаний и журналистов говорит о том, что крупнейшие трущобы существуют не только как реальность, но и как идея, порожденная извне [32].

Рис. 1. Кадры со съемок. Занимательные факты о фильме «Миллионер из трущоб» (2008)¹

«Неудивительно, что трущобный туризм несет в себе негативные коннотации как “сафари”, “зоопарк туры”, “негативные экскурсии”, “туры бедности”, “poorism”, “социальная тарзанка”, “подглядывание”, эксплуатация, и считается морально сомнительным» [33].

Романтика и созданная кинематографистами «модель удовлетворенности и добрососедства», превращает жизнь на грани выживания в новый балаган, и «соприкасаясь с ним, западные посетители преобразуются “изменяющими жизнь”, “открывающими глаза” и “умопомрачительными” переживаниями» [31, р. 37]. Кейс-стади, основанные на интервью,

¹ Источник изображения см.: URL: <https://in-w.ru/slumdog-millionaire-2008/> (03.03.2021).

фиксируют эмоциональное волнение, испытываемое при виде обнаженных женских тел при купании, при участии в переговорах о ценах с проститутками, при виде стариков, брошенных на месте умирания [34]. Этот опыт побуждает туристов задуматься об удаче своего рождения, возникает чувство культурного превосходства [24].

Дети, снимавшиеся в фильме «Миллионер из трущоб», были кореными жителями Дхарави, крупнейшей трущобы Мумбаи, и после шумного успеха и славы их жизнь вернулась на круги своя. Это тоже стало поводом для СМИ-перформанса, например, журналисты британского таблоида *News of the World* приехали в роли покупателей к отцу исполнительницы главной роли, и отец был совсем не против продать дочь, так как семья ничего не получила за фильм [35].

Неевропейское кино о трущобах ставит остросоциальные вопросы и старается минимизировать романтику, например, малоизвестное филиппинское кино, в частности, «Тирадор» (Бриллианте Мендоза, 2007), «Лола» (Бриллианте Мендоза, 2009) и др. «Многие из этих филиппинских фильмов новой волны черпают свои истории (а также «найденных» актеров, реквизит и декорации) из документального подхода к кинопроизводству» [18, p. 172].

Полнометражный ливанский художественный фильм о бейрутских трущобах «Капернаум» (Надин Лабаки, 2018) (Рис. 2), получивший приз Каннского фестиваля, не вызывает особого желания последовать по местам съемок, возможно, важной причиной здесь остается культурная география. Трущобный туризм встречается не во всех бедных районах мира, «его развитие определяется конкретными социокультурными контекстами» [36, p. 50], и соответственно, Бейрут, в отличие от Мумбаи, — не освоенное европейскими туристами пространство, по причине своей неподконтрольности и опасности для потенциального фланирующего зрителя.

Трущобы как зрелища и как проблема породили великое множество документальных фильмов. Все эти фильмы активно используют дихотомию «знакомого — странного», «прекрасного — ужасного». Например, трехсерийный документальный фильм архитектурного критика Кевина МакКлауда (*Kevin McCloud: Slumming It*, 2010) [37], в котором запечатлел свое двухнедельное пребывание в Дхарави. Интересно, что сам журналист постоянно находится в кадре, очень экспрессивно выражает удивление, недоумение и даже восторг — например, восторг по поводу красоты местных женщин, которые ухитряются выглядеть чисто и нарядно.

Рис. 2. Афиша фильма «Капернаум» (реж. Н. Лабаки)²

В русскоязычном интернете много иллюстрированных текстовых и видео-блогов о крупнейших трущобах мирового Юга, например, о той же Дхарави [38]. Российские YouTube-блогеры, специализирующиеся на путешествиях, последнее время также осваивают пространство трущоб, но в отличие от западных туристов, они обычно экономят на охране и договорах с местными турагенствами. Поэтому российские визуальные туры в трущобы — это своеобразная игра в рулетку, где безбашенные русские

² Источник изображения см.: URL: https://vfl.ru/fotos/foto_zoom/5a3751f929795749.html?antid=1 (01.03.2021).

либо со всеми братаются, либо получают «проблемы на свою задницу». Это любительская документалистика, которая с одной стороны имитирует законы художественного жанра, где обязателен некий экшн, с другой — реалити-шоу, которое имеет совсем иной хэппи-энд — то, что блогер рискнул и выжил.

Трущобы стали также местом действия рейтинговых телевизионных шоу. *Rich, Famous and in the Slums* (2011) — двухсерийная телепрограмма реалити-шоу, в котором четыре известных личности, Ленни Генри, Реджи Йейтс, Саманта Вомак и Анджела Риппон, были отправлены BBC на несколько недель жить в недры Киберы, самой крупной трущобы кенийской столицы. Эти «богатые и знаменитые» вынуждены жить бок о бок с коренными обитателями, и все заканчивается хэппи-эндом — каждый из основных действующих лиц помогает кому-то выбраться из этой социальной дыры.

Миссионерство, связанное с попытками помочь встроить маргинальное пространство трущоб в институциональное пространство города, благотворительность, создание школ и миссий для бедных [39] порождает еще один вариант визуализации — фильмы благотворительных организаций, созданные с целью сбора пожертвований, как, например, ролик о судьбах подопечных Мальтийской службы помощи [40].

Телевизионные шоу и мыльные оперы становятся также неотъемлемой частью социальной жизни самих трущоб. Кейс-стади, проведенное в одной из бразильских фавел, открывает миру почти виртуальную бытийность безработных женщин, которые смотрят до шести часов теленовелл в день, часто во время тяжелого физического труда в доме. Их реальные страдания соотносятся с прославлением душевных мук в сериалах, реальность и вымысел, реальная бедность и вымышленное богатство переплетается в их сознании [41].

Интересным отступлением от темы, ярким пятном на сером полотне трущобной жизни и ее визуальной репрезентации, являются видеоповествования о «стилягах» Центрально Африки. На грязных глинистых улицах беднейших районов Конго, Кении и др. нередко можно встретить шикарно и странно одетых мужчин (не женщин!). Это особая субкультура, которая является довольно распространенным сюжетом блогов путешественников [напр., 42] и документальных фильмов, среди которых известный «Зулусские стильги» (*The Swenkas*, 2004, Дания, реж. Йеппе Рёнде) и фильмы YouTube-каналов [напр., 43]. Можно трактовать это социо-культурное явление как «перформанс изнутри» — эти люди не наблюдают представ-

ление, они его создают своим стилем жизни, тем самым расцветивают и облагораживают маргинальное пространство.

Апогеем инверсии социокультурных ценностей в контексте визуальной культуры стала попытка (кстати, неудачная) превратить одну из фавел Рио-де-Жанейро в музей под открытым небом, что свидетельствует о расширении семантического спектра фавелы, которая в последние годы воспринимается государством не только как «проблема» города, но и как его «наследие», достойное демонстрации, сохранения и посещения [44, р. 83]. Репрезентация трущоб через музеефикацию может выйти на уровень государственного признания, что само по себе нонсенс.

4.2. ИНВАЗИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА И БЕСКОНЕЧНЫЙ НАРРАТИВ

Противоположностью трущобам по пространственной организации и, кстати, визуализации, становятся **отдельные локусы**, в которых гнездятся немногочисленные представители маргинальной субкультуры. Чаще всего такой рисунок «изнанки» города встречается в более суровом климате и при более жестком политическом режиме, где любой заметный самострой будет неизбежно запахиваться экскаваторами.

Например, в США палаточные городки бездомных уничтожаются городскими властями, как только они становятся достаточно многочисленными и обширными, и кстати, как только они организовываются достаточно хорошо, чтобы обеспечить некоторую безопасность для своих жителей [45, р. 66].

Один из характерных примеров «гнездовой маргинальности» — российские мегаполисы, где маргинальная субкультура вынуждена прятаться на задворках, между гаражами и на вокзалах, под железнодорожными платформами.

Этот тип маргинальности породил особую визуальную культуру — от психологической драмы до бесконечного нарратива, бессмысленного и беспощадного. Можно предположить, что психологичность здесь задана именно типом пространственной самоорганизации в культурном ландшафте города. Трущобы, хотя и связаны функционально с пространством города, для множества их жителей во многом замкнуты на себе и самодостаточны — люди здесь рождаются, живут и работают, умирают. Инвазивность же предполагает более сильные связи с благополучным образом жизни, равно как генетические (многие обитатели маргинального мира оказываются отсюда родом), так и повседневные. Это и порождает много-

численные персональные трагедии, которые осмысливаются заново литераторами и кинематографистами. Подобные игровые фильмы вызывают очень большое сочувствие к персонажам, в них заявлен глубокий философский смысл, который заставляет зрителя хотя бы на время почувствовать ответственность за то, что происходит на экране и в жизни.

Вектор психологической драмы был задан еще пьесой Горького «На дне», который развивался в сторону эстетизации маргинального пространства в игровых фильмах. Эта бессмертная пьеса была спроецирована на японские исторические реалии и экранизирована японским режиссером Акира Куросавой в 1957 году.

Продолжением темы стал «Додескаден» или «Под стук трамвайных колес» Куросавы (1970) — классика жанра. Хотя в киноведческих комментариях этот фильм обычно описывается как жизнь токийских трущоб, локальность, а не тотальность представленного на экране маргинального пространства, постоянная связь персонажей с заэкраным благополучным городом, позволяет говорить именно об инвазии.

Съемки этого фильма велись преимущественно в павильоне, то есть были искусственно созданы симулякры этого типа маргинальных пространств. Композиция практически каждого кадра идеально выверена, в результате чего визуальный ряд, который по идее должен отображать и символизировать изнанку городской жизни, воспринимается эстетически правильным, совершенным, как любое произведение искусства.

Следует сказать, что Куросава по большому счету не лукавит. Маргинальная субкультура Японии и организованные ею «гнездовые» пространства на самом деле не лишены порядка и эстетики, в них все достаточно логично организовано, быт минимизирован. При этом люди, которые здесь живут, остаются социализированными, многие из них ходят на работу, у кого-то даже есть маленький бизнес по продаже самоделок или перепродаже коллегам по несчастью предметов первой необходимости. Это не каменный и не саманный самострой фавел, которым нужно обширное пространство, а картонные коробки, уместяющиеся под мостами и даже буквально на улицах, где находится укромный уголок. Здесь нет хаоса и признаков помойки. Удивительно, но люди пытаются украсить свои убогие жилища, в городках из картонных коробок дверные проемы закрыты чистенькими занавесочками, на стены нанесены декоративные узоры, т.е. люди, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации, стараются как-то организовать свой быт и обустроиться вопреки всему.

В европейской кинематографии один из знаковых фильмов — «Леди в фургоне» (Николас Хайтнер, 2015), посвященный личной драме отдельного человека и инвазивному относительно мобильному типу маргинальности. Леди живет в фургоне и перемещается в благополучном районе города от одного дома к другому, пока, наконец, не оседает рядом с домом писателя, страдающего раздвоением личности. Благопристойность британской ментальности позволяет маргинальной даме быть вписанной в местный культурный ландшафт и опционально и функционально, в частности, она пользуется коммуникациями частного дома, к которому припарковала свой фургон — моет руки, ходит в туалет, и никто не может ей возразить, добропорядочные граждане не так воспитаны, чтобы прогнать бедную женщину. Она, кстати, тоже была частью этого добропорядочного мира, но в какой-то момент, после наезда на мотоциклиста, ее сознание сломалось, и она порвала связи с миром — с одной стороны, чтобы скрыться от наказания, с другой — выбрав бездомную жизнь как самонаказание. Но и опять же, все это выглядит с экрана очень красиво, фильм снят в приглушенной цветовой гамме, типичной для английской эстетики, а наряды леди, не утратившей аристократичности, напоминают дорогие одеяния в стиле гранж. Опять же инверсия стиля, инверсия эстетических предпочтений...

В российской кинокультуре самым мощным по силе эмоционального воздействия был и остается фильм «Небеса обетованные» Эльдара Рязанова (1991). Место действия — свалка недалеко от железнодорожного вокзала — очень типично для реального маргинального пространства российской действительности. «Дом» бомжей в данном случае — отслуживший свое вагон, что тоже достаточно реалистично — в нем реально выжить в суровом климате, и заброшенные вагоны на запасных путях нередко становятся обиталищем бездомных. Психологическая драма лишних людей, разворачивающаяся на экране, представленная когортой лучших советских актеров, великолепная операторская работа — все это опять же способствует эстетизации маргинальности в обыденном сознании. Важным моментом является время создания фильма — лихие девяностые, эпоха распада советского образа жизни и формирования новой идентичности, когда очень многие поневоле оказались «за бортом» и перешли на изнаночную сторону жизни. С тех пор повелось, что российские маргиналы — это не те, кого угораздило родиться в нищете и унаследовать ее. И по сей день «более половины бомжей имеют сред-

нее образование, четверть — среднее специальное и среднее техническое, т.е. большинство — достаточно образованные люди, многие имеют хорошие специальности после окончания профессиональных училищ» [11, с. 42]. (Здесь надо отметить, что слово «бомж» — сугубо советско-российская аббревиатура, означающая лицо «без определенного места жительства», поскольку в советское время слово «бездомный» противоречило социалистическим реалиям.) Это те люди, которые в большинстве своем не справились с жизненными трудностями и пошли вниз по социальной лестнице, иногда довольно сознательно и стремительно.

Осознанность выбора и особая философия маргинальности была более столетия назад гениально подмечена Горьким и сконцентрирована в монологе Сатина: «Че-ло-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! [...] Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся, и оглядываются... и часто говорят мне — “Мерзавец! Шарлатан! Работай!” Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хочочет.) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... [...] Человек — выше сытости!» [46]. Монологи горьковской пьесы были немного подредактированы и сокращены в ее новом кинематографическом прочтении — фильме «На дне» (Владимир Котт, 2014) (Рис. 3), где действие перенесено в наши дни, а место действия — из ночлежки на окраинах города на городскую свалку.

Городская свалка, конечно, отличается от инвазивного маргинального пространства своей обособленностью, и представляется некой «лайт-версией» трущоб Юга. Это особый мир сращения коррумпированности и маргинальности, где проводятся многочисленные журналистские расследования и снимаются документальные фильмы, как отечественные, так и зарубежные, например, фильм BBC «Девочка, живущая на свалке» (*Something Better to Come*, Ханна Полак, 2014) [47]. Сорокаминутный документальный фильм явился режиссерской эссенцией многолетнего нарратива — съемки на подмосковной свалке велись четырнадцать лет (!) и закончились классическим для западных реалити-шоу хэппи-эндом — с помощью съемочной группы главной героине фильма девочке Юле удалось решить квартирный вопрос и переселиться в человеческие условия вместе с матерью и возлюбленным.

Рис. 3. Монолог Сатина. Русский трейлер фильма «На дне» (реж. В. Котт)³

Что же касается собственно современных нарративов, то в российской медиазоне они появились не так давно и довольно быстро обрели большую популярность. В YouTube таких каналов много, но собственно в двух из них тема заявлена в названии — это «Люди уб(х)люди» [48] (27 тыс. подписчиков) (Рис. 4) и «День бомжа» [49] (42 тыс. подписчиков). Тут уже нет особого места психологической драме, так как растянутость во времени, злоупотребление длинными планами (даже при наличии монтажа и склеек), злоупотребление стримами в принципе не способствует напряженным переживаниям и философствованиям. Можно сказать, что в таких каналах на материале маргинальной субкультуры реализуется старая идея Пазолини о бесконечном фильме о жизни людей.

Если говорить о медийности, то такие проекты имеют свои дочерние каналы в соцсетях, если о коммерции — то у них платные подписки, которые предполагают ранний доступ к новым сериям, возможность получить дополнительную информацию о героях роликов, есть связь с рекламодателями.

Основной смысловой посыл нарративов — это не только перформативность, подглядывание, но и активное участие, в том числе и подписчиков каналов. В отличие от трущоб инвазивное пространство сравни-

³ Источник изображения см.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rnRR5JIP1rw&t=14s> (18.03.2021).

тельно безопасно для зрителя этого перформанса, поэтому он обретает свойства интерактивности, выхода в иное пространство с разными личными целями. «Тот, кто стал бомжом, теряет статус человека или просто перестает существовать: об него можно споткнуться и не заметить, можно стоять и рассматривать его, показывая пальцем, можно подойти и сфотографироваться рядом с ним, подойти и ударить, если у тебя плохое настроение» [50, с. 98]. По следам сюжетов в места локализации бомжей могут прийти (и приходят) молодчики с битами или сердобольные тетушки с пирожками.

Рис. 4. «База». Radio Bashka. ЛюдиУблюдки. Завтрак на Савке | Коля вернулся | День бомжа⁴

Отдельная тема — комментарии под роликами, в которых зрители делятся на два лагеря. Одни говорят, что, мол, сами виноваты, другие — ну давайте им поможем. Девушки пишут любовные письма особенно ярким персонажам, но через пару сезонов персонаж перестает быть таким же ярким, так как камера бесстрастно фиксирует прогрессирующий алкоголизм с попутной деградацией личности.

Эти каналы как нельзя лучше фиксируют взаимосвязь маргинальной пространственной самоорганизации с особенностями национального менталитета.

⁴ Источник изображения см.: URL: https://www.youtube.com/watch?v=_W77nj0dA5o (15.03.2021).

Интересное явление российского YouTube — видеоблоги самих бомжей. Наиболее «раскрученные» персонажи — это московский бомж Женя Якут [51] и Олег Монгол (Драконорожденный) [52]. Женя Якут — «первопроходец (или по крайней мере первый из известных) “маргинального” русскоязычного YouTube. Завел канал весной 2015 года, но умер от воспаления легких спустя полгода, 29 октября. За эти месяцы Женя Якут выложил 39 роликов» [53]. Более удачливый Олег Монгол на своем канале хорошо зарабатывает, слетал отдохнуть в Таиланд, вставил зубы, стал героем нескольких ток-шоу.

Треш заявлен как контент многих роликов (как хэштег), замешанный на философских рассуждениях вроде вышеприведенного монолога Сатины — отрицания благ материального мира ради «свободы», своеобразная семантическая инверсия известного высказывания Григория Сковороды «Мир ловил меня, но не поймал»...

Если отойти от позиции игрового кино, то становится очевидно, что в современной России «изнанка города» — это в большинстве случаев результат последних стадий алкоголизма ее обитателей, что обуславливает визуальные и качественные характеристики тех микроландшафтов, где они обитают. Неумеренное потребление алкоголя считается национальной чертой русского народа, но особенно ярко проявляется именно в маргинальной субкультуре, представители которой лишаются семьи, жилья, работы именно по этой причине. Соответственно, места обитания российских бомжей, даже если это не свалка, а теплотрассы, вокзалы, гаражи, лесополосы, все равно превращаются в помойку — люди никак не организуют и не облагораживают свой «пяточок» земли, здесь всегда присутствуют мусор, пустые бутылки из-под алкогольных напитков, грязь.

Визуализация «гнездовой маргинальности» вместо бренда и перформанса может стать средством борьбы с вторжением маргинального пространства в регулярное пространство города. Правда, такие случаи единичны в городской практике. В частности, летом 2015 года в разгар всплеска общественного беспокойства по поводу засилья бездомных в Нью-Йорке была организована кампания, подготовленная полицейским союзом, — «Ку-Ку, мы тебя видим». Добропорядочные жители фотографировали бездомных на улице, помечая их местоположение и загружая фотографии на специальный веб-сайт [26].

Соответственно, в США маргинальная субкультура вынуждена быть мобильной. Человек перемещается вместе со своими вещами, со своей

тележкой, позаимствованной в супермаркете, как только он оседает на одном месте, у него возникают проблемы. И поэтому эпизодические программы помощи бездомным в Штатах включают в себя раздачу односторонних передвижных кабинок, в которых можно ночевать и хранить вещи.

Тема пространственной локализованности маргинальной субкультуры связана с **проблемой границ**. С одной стороны, это границы между благополучными и неблагополучными районами. С другой стороны, если речь идет об инвазивной маргинальности, вся среда города может превращаться в пограничное, лиминальное пространство с соответствующими законами. Этот феномен в чем-то сходен с феноменом фронта на американском Западе, где граница между освоенным и неосвоенным пространством становилась местом оседлой жизни и порождала особую субкультуру, где считалось нормальным, что каждый может выхватить пистолет и начать стрелять. Тотальное **всепроникновение маргинальности** в институционализированное «тело» города можно наблюдать, например, в Лиме, столице Перу, где все благополучные и «средненькие» дома, т.е. практически все дома в городе, затянuty по периметру колючей проволокой или проволокой под током, потому что пространство улиц — это опасность. Таким образом весь город превращается в пограничное пространство.

Когда город сам по себе представляет полумаргинальную среду, то в нём, как в диком лесу, появляются нахоженные тропы. Чуть сойдешь с тропы, сразу же попадаешь в неосвоенное враждебное пространство, которым может быть не только окраины, но и исторические центры городов. Если в Барселоне сойти с нахоженной Рамблы и пойти напрямки в сторону Музея Миро (мой личный опыт), то сразу же в паре дворов от Рамблы уже сталкиваешься с совершенно иной средой, где не место туристам и представителям легального мира. Но эта среда — своеобразная изнанка именно Рамблы, ее многолюдья и многоденежья. Чуть дальше начинается уже практически безлюдный выморочный городской пейзаж, где нет ни того, ни другого.

Всепроникновение маргинальности может быть не тотальным, а точечным — можно говорить об их **рассеянности** или **растворенности**. Рассеянность — когда локусы маргинальности представлены в пространстве города не группами, а отдельными колоритными (или не очень) персонажами.

Рассеянность наиболее ярко представлена на улицах Буэнос-Айреса, где люди живут на улицах в абсолютно благополучном районе историче-

ского центра. Это и люди из глубинки, и эмигранты, которые приезжают семьями, рожают здесь детей, ночуют на матрасах, которые становятся стационарными пунктами, волонтеры каждый вечер приносят им горячие ужины. Этот порядок подробно описывается в иллюстрированных блогах об Аргентине [54].

Растворенность — когда бургерская и маргинальная субкультуры перемешаны в «каменных джунглях», и тут нет особых «нахоженных троп» для обывателя и туриста. Это особенность, например, культурного ландшафта мегаполисов Индии, где в престижных и непрестижных районах есть люди, которые спят на циновках на улице и пробаваются попрошайничеством. В Индии маргинальность пронизывает городское пространство, присутствует практически везде, как воздух. При этом нет ощущения границ и город не превращен в крепость. Национальной чертой является философское отношение к жизни, обусловленное понятием реинкарнации — не обязательно стараться достичь материального благосостояния в этой жизни, если оно и так будет дано в следующей жизни. Люди, живущие на улице, часто приехавшие в город из деревни, где у них был свой какой-никакой дом, не считают, что они опустились на низкие ступени социальной лестницы. Они не обустривают свой быт, но и не устраивают помойку из места своего проживания. И это тоже порождает свою визуализацию, например, вошедшее в топ призеров конкурса экологической фотографии и ставшее вирусным фото, на котором мать собирает девочку в школу в бетонной трубе, ставшей им домом (Gautam Basu) [55] (Рис. 5).

Еще один вариант инвазивной маргинальности — **подземелья** — сокрытие стигм города от посторонних глаз. Если обратиться к русскоязычной классике, то здесь ориентиром остается повесть В. Короленко «Дети подземелья» («В дурном обществе») (1881–1884), романтическая психологическая драма о семье бездомных, живущих в подполе заброшенной часовни на кладбище. В современном российском варианте это подвалы и подземные теплоцентральи, во многих городах глобального Юга это кладбища — там, где старые захоронения производились в склепах, которые сейчас активно используются для жизни. Самый масштабный подземный город — ливневая канализация Лос-Анжелеса, — место, где не любят бывать полицейские, поэтому оно стабильно, в отличие от палаточных городков. Часть жителей подземного города обустривают свое жизненное пространство основательно и с комфортом, большая же часть

Рис. 5. Мать собирает дочку в школу. Gautam Basu⁵

— это приют наркоманов и криминальных личностей. Здесь есть своя своеобразная эстетика — стены ливневки покрыты граффити, иногда достаточно профессиональными. Этот подземный город получил свою визуальную и текстовую репрезентацию в лице журналиста Мэттью О’Брайна, его сайт [56] содержит в себе ссылки на его репортажи и книги «Под неонам» [16], «Темные дни, яркие ночи» [17], «Моя неделя в Голубом Ангеле» [57]. Последняя книга была сделана в паре с известным фотографом Биллом Хьюзом. Подземные города получили освещение и в российских блогах [напр., 58].

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая, можно сказать, что маргинальность всегда встроена в городской культурный ландшафт. В зависимости от особенности ментальности культуры и от особенностей национального культурного ландшафта она имеет разную пространственную структуру. С ней связан целый спектр социальных проблем, которые, опять же, провоцируют и формируют про-

⁵ Источник изображения см.: URL: <https://hatefvoice.files.wordpress.com/2011/10/india12.jpg> (18.03.2021).

странственные структуры, их визуальные качества и пути их репрезентации в текстах, кино и медиа. С одной стороны, проблема маргинальности существует как реальность в геокультурном пространстве, а с другой — как образы, запечатленные в документалистике и игровом кино. Видео-образы, накопленные человечеством за последние полстолетия, сейчас наполняют пространство интернета, создают информационную среду на любой вкус и запрос — от романтики до треша. Освоение стигм города искусством ведет к инверсии эстетики и этики. Кино и документальные видео-нарративы становятся прецедентным текстом в контексте культуры. Взгляд через кинокамеру на маргинальную среду возводит ее в ранг нормальности, вызывает любопытство и даже удовольствие, провоцирует желание посетить «натуру» — в качестве «глазеющего» туриста или в качестве активного деятеля. На основе прецедентных текстов кинофильмов начинает читаться текст реального культурного ландшафта. Маргинальность все чаще воспринимается не как проблема, а как зрелище и интерактивный перформанс. Интерактивность может быть разной — от реализации своей агрессии за счет социально незащищенных людей до испытания судьбы в потенциально опасной среде, от панибратства до благотворительности.

Информация, передаваемая через визуальные образы, помимо проблемы бездомности и псевдоурбанизации, которые занимают, казалось бы, центральное место, отражает особенности семантической структуры культурных ландшафтов. Формируется визуальная эпистемология небезопасного, странного, «иногo» городского пространства. Этот «эпистемологический фон» становится необходимой основой, с помощью которой возможно трактовать маргинальность и как гипервизуальность и как социальную невидимость — социальные проблемы, по сути, частично перемещаются из сферы обсуждения их причин и путей их решения в плоскость наблюдения и фото- и видеофиксации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логачева С.М. Куда исчезли маргиналы? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1 (31). С. 61–67. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2019/01/2019-01-08.pdf> (дата обращения: 27.05.2021).

2. Ермилова А.В. Лица без определенного места жительства как маргинальная группа современного российского общества: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Нижний Новгород, 2003. 24 с.

3. Zorbaugh H.W. The gold coast and the slum: Sociological study of Chicago's near North Side. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 344 p.
4. Tonkiss F. Space, the city and social theory. Social relations and urban forms. Cambridge: Polity, 2005. 170 p.
5. Aceska A., Heer B., Kaiser-Grolimund A. Doing the city from the margins: Critical perspectives on urban marginality // *Anthropological Forum*. 2019. Vol. 29. № 1. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2019.1588100>.
6. Soederberg S. Governing stigmatised space: the case of the “slums” of Berlin-Neukölln // *New Political Economy*. 2017. Vol. 22. № 5. P. 478–495. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1240671>.
7. Panday P.K. The face of urbanization and urban poverty in Bangladesh: Explaining the slum development initiatives in the light of global experiences. Singapore: Springer, Palgrave Macmillan, 2020. 162 p.
8. Hossain S. Urban poverty in Bangladesh. Slum communities, migration and social integration. London: I.B. Tauris, 2011. 252 p.
9. Bansal R., Gandhi D. Poor little rich slum. What we saw in Dharavi and why it matters. Chennai: Westland, 2012. 192 p.
10. Chhabria S. Making the modern slum. The power of capital in colonial Bombay. Seattle: University of Washington Press, 2019. 256 p.
11. Бобылева Н.И., Коноплева Ю.В. Образ «другого человека» в средствах массовой информации как социальный риск (на примере лиц БОМЖ) // Социальные риски и управление ими в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Мурманск, 05 декабря 2014 года) / отв. ред. Е.Н. Шовина. Мурманск: Мурманский арктический гос. ун-т, 2015. С. 80–83.
12. Frenzel F., Steinbrink M., Koens K. Slum tourism: poverty, power and ethics. New York: Routledge, 2012. 264 p.
13. Holst T. The affective negotiation of slum tourism. City walks in Delhi. London: New York: Routledge, 2018. 183 p.
14. Moreira R. “To be a slut is to be free”: women in favela funk, performances of racialised femininity, and celebrity media // *Celebrity Studies*. 2020. 15 Nov. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/19392397.2020.1847673>.
15. Aedo A. Politics of Presence at the Urban Margins. Emplacement as a Performative Force Among Migrant-Settlers in Chile // *Anthropological Forum*. 2019. Vol. 29. № 1. P. 12–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2019.1585752>.
16. O'Brien M. Beneath the Neon. Life and Death in the Tunnels of Las Vegas. Las Vegas: Huntington Press, 2007. 281 p.
17. O'Brien M. Dark days, bright nights: surviving the Las Vegas storm drains. Las Vegas: Central Recovery Press, 2020. 202 p.
18. Krstić I. Slums on screen: world cinema and the planet of slums. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 288 p.

19. Денисов С.Ф. Философско-антропологическая система бытийных форм бездомья // Реальность. Человек. Культура: философия и философствование в современной культуре: материалы Всероссийской научной конференции «VII Ореховские чтения», посвященной 50-летию кафедры философии Омского гос. педагогического ун-та (Омск, 12–13 ноября 2015 г.). Омск: Омский гос. педагогический ун-т, 2015. С. 114–118.

20. Brighenti A.M. Introduction // *Urban Interstices: The aesthetics and the politics of the in-between* / ed. by A.M. Brighenti. Dorchester: Ashgate Publishing Limited, 2013. P. XV–XXIII.

21. Basu K. Slum tourism: for the poor, by the poor // *Slum tourism: poverty, power and ethics* / ed. by F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens. New York: Routledge, 2012. P. 66–82.

22. Diekmann A., Hannam K. Touristic mobilities in India's slum spaces // *Annals of Tourism Research*. 2012. Vol. 39. № 3. P. 1315–1336.

23. Levesque L. Trajectories of interstitial landscapeness: A conceptual framework for territorial imagination and action // *Urban Interstices: The aesthetics and the politics of the in-between* / ed. by A.M. Brighenti. Dorchester: Ashgate Publishing Limited, 2013. P. 21–64.

24. Jones G.A., Sanyal R. Spectacle and suffering: The Mumbai slum as a worlded space // *Geoforum*. 2015. Vol. 65. P. 431–439. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2015.02.008>.

25. Merrill L. Amalgamation, moral geography, and “slum tourism”: Irish and African Americans sharing space on the streets and stages of antebellum New York // *Slavery & Abolition*. 2016. Volume 37. Issue 3. P. 638–660. DOI: <https://doi.org/10.1080/00144039X.2016.1208913>.

26. Goldfischer E. «Peek-A-Boo, We See You Too»: Homelessness and visuality in New York City // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2018. Vol. 36. № 5. P. 831–848. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0263775818768546>.

27. King R., Dovey R. Reading the Bangkok slum // *Slum tourism: poverty, power and ethics* / ed. by F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens. New York: Routledge, 2012. P. 159–171.

28. World Cities Report 2016: Urbanization and development—emerging futures. UN-Habitat, 2016. 262 p. URL: <https://unhabitat.org/world-cities-report> (дата обращения: 24.02.2021).

29. Трущобы Еревана. Район Конд // Шагая по планете: канал на ЯндексДзен. 2019. 02 августа. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c98d0b6c56eea00b2639b7a/truscoby-erevana-raion-kond-5d43faa597b5d400adb827b3> (дата обращения: 24.02.2021).

30. Falco E., Zambrano-Verratti J., Kleinhans R. Web-based participatory mapping in informal settlements: The slums of Caracas, Venezuela // *Habitat International*. 2019. Vol. 94. Article 102038. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2019.102038>.

31. Nisbett M. Empowering the empowered? Slum tourism and the depoliticization of Poverty // *Geoforum*. 2017. Vol. 85. P. 37–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.07.007>.
32. Brook D. Slumming it: The gospel of wealth comes for Dharavi // *The Baffler*. 2014. № 25. P. 136–145. URL: <https://issuu.com/thebaffler/docs/no25> (дата обращения: 24.02.2021).
33. Mkono M. The reflexive tourist // *Annals of Tourism Research*. 2016. No 57. P. 206–219. <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2016.01.004>.
34. Sen A. Sex, sleaze, slaughter, and salvation: Phoren tourists and slum tours in Calcutta (India) // *Journeys*. 2008. № 9 (2). P. 55–75.
35. Mahmood M. Slumdog Millionaire star Rubina Ali offered for sale by father // *Huffpost*. 2009. April 19. URL: https://www.huffpost.com/entry/slumdog-millionaire-star-_n_188662 (дата обращения: 26.05.2021)
36. Frenzel F. Beyond “Othering”. The political roots of slum tourism // *Slum tourism: poverty, power and ethics* / ed. by F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens. New York: Routledge, 2012. P. 49–65.
37. McCloud K. Slumming It (2010) // NIB AUN: YouTube-канал. 2012. 03 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Im0tHRs9Bng> (дата обращения: 24.02.2021).
38. Как живут нищие в трущобах Дхарави // Путешествия со смыслом: канал на ЯндексДзен. 2019. 20 ноября. URL: <https://zen.yandex.ru/media/berpowerback/kak-jivut-niscie-v-truscobah-dharavi-40-foto-5dd4746a4b1a762d7ecb92d6> (дата обращения: 24.02.2021).
39. Odede K., Posner J., Kristof N. Find me unafraid: Love, loss, and hope in an African slum. New York: Harper Collins, 2016. 353 p.
40. Вот, всё (о жизни бездомных людей): документальный фильм / режиссер А. Карелина; оператор В. Воробьева. СПб: Такие дела, 2019. 1 файл (32:32 мин). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EXx8AXSTRJc> (дата обращения: 24.02.2021).
41. Brown L.B. Body parts on Planet Slum: Women and telenovelas in Brazil. London: New York: DELHI Anthem Press, 2011. 182 p.
42. Бровин В. Как выглядят африканские модники и стилиги // *Disgusting Men*. 2016. 14 сентября. URL: <https://disgustingmen.com/blog/la-sape-congo-dandies> (дата обращения: 24.02.2021).
43. Модная Африка: стилиги из Конго. Субкультура LaSape // Немодно о моде с Наталией Ксенчак: YouTube-канал. 2018. 05 марта. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bHkqbwqulnl> (дата обращения: 24.02.2021).
44. Menezes P. A forgotten place to remember. Reflections on the attempt to turn a favela into a museum // *Slum tourism: poverty, power and ethics* / ed. by F. Frenzel, M. Steinbrink, K. Koens. New York: Routledge, 2012. P. 83–124.

45. Mitchell D. Tent cities: Interstitial spaces of survival // Urban interstices: The aesthetics and the politics of the in-between / ed. by A.M. Brighenti. Dorchester: Ashgate Publishing Limited, 2013. P. 65–86.
46. Горький М. На дне // Викитека: сайт. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/На_дне_\(Горький\)](https://ru.wikisource.org/wiki/На_дне_(Горький)) (дата обращения: 24.02.2021).
47. Девочка, живущая на свалке: документальный фильм / режиссер и оператор Х. Полак. BBC News — Русская служба, 2014. 1 файл (44:34 мин). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aLueL8bJK4> (дата обращения: 24.02.2021).
48. Люди Ухлюди: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/c/ЛюдиУблюди/featured> (дата обращения: 24.02.2021).
49. День бомжа TV: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCfYWK0IYAYRtz6DrkhZ0pgQ/featured> (дата обращения: 24.02.2021).
50. Черныш М.Ф., Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 147–150.
51. Женя Якут бомж блогер: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/c/MoscowVoodoo/featured> (дата обращения: 24.02.2021).
52. Олег Монгол: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCY3cAFZd0FaU3Pу00a7vJGA> (дата обращения: 24.02.2021).
53. Как бомжи и алкаши становятся миллионерами. 4 главных российских блогера-маргинала // Geekville: сайт. 2020. 18 июня. URL: <http://geekville.ru/novosti/kak-bomzhi-i-alkashi-stanovyatsya-millionerami-4-glavnyh-rossijskih-blogera-marginala/> (дата обращения: 24.02.2021).
54. Бомжи Буйнос-Айреса // Живу в Буйнос-Айресе. Путешествия по Аргентине и Южной Америке: персональный сайт Максима Лемоса. 2018. 06 января. URL: <http://ru-ar.ru/bomzhi> (дата обращения: 24.02.2021).
55. Basu G. A homeless mother preparing to send her daughter to school in the morning, while her still sleepy son clings to her in India. URL: <https://hatefsvoice.files.wordpress.com/2011/10/india12.jpg> (дата обращения: 24.02.2021).
56. Matthew O'Brien. Writer—Editor—Teacher: сайт. URL: <http://beneaththeneon.com/> (дата обращения: 24.02.2021).
57. O'Brien M., Hughes B. My Week at the Blue Angel: And Other Stories from the Storm Drains, Strip Clubs, and Trailer Parks of Las Vegas. Las Vegas: Huntington Press, 2015. 218 p.
58. Цивилизация бездомных в системе туннелей под Лас-Вегасом. Другая сторона города развлечений // Парадокс: YouTube-канал. 2021. 25 февраля. URL: <https://youtu.be/9CoWqBeOHjw> (дата обращения: 24.02.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАВРЕНОВА

доктор философских наук, кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник отдела культурологии,
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21;
профессор кафедры иностранных языков
и коммуникативных технологий,
Национальный исследовательский технологический
университет «МИСиС»,
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4;
профессор кафедры теории и истории культуры Института кино
и телевидения (ГИТРа).
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 32а
почетный член Российской академии художеств,
президент Международной ассоциации семиотики пространства
и времени (IASSp+T/AISE+T, Швейцария)

Researcher ID: AAK-6407-2020

ORCID: 0000-0003-4916-0622

e-mail: olgalavr@mail.ru